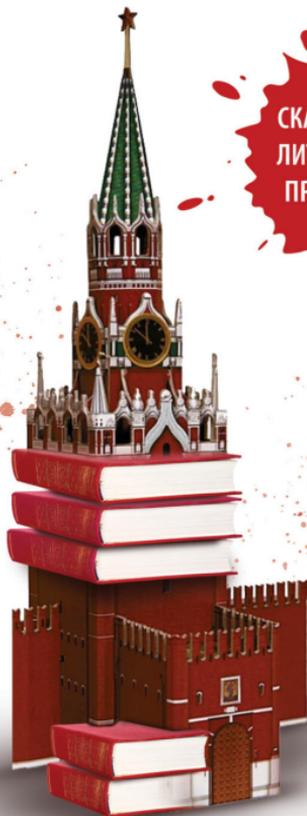


НОМИНАНТЫ МОСКОВСКОЙ ПРЕМИИ – 2019

ХРЕСТОМАТИЯ

Проза и поэзия участников Московской
международной книжной выставки-ярмарки



СКАНДАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ ГОДА

Коллектив авторов
Номинанты Московской
премии – 2019. Хрестоматия.
Проза и поэзия участников
Московской международной
книжной выставки-ярмарки

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63746621

Номинанты Московской премии – 2019. Хрестоматия. Проза и поэзия участников Московской международной книжной выставки-ярмарки:

Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907350-89-2

Аннотация

Вот и окончила свою работу Московская международная книжная выставка-ярмарка.

Несмотря на трудные обстоятельства, о которых мы все хорошо знаем, мероприятие удалось провести очно – конечно, с соблюдением всех правил безопасности.

Интернациональный Союз писателей по итогам прошедшего события выпускает традиционный сборник, в котором объединяет прозу и поэзию наших авторов – участников ярмарки.

К сожалению, далеко не всем любителям книг, интересующимся современной литературой, удалось побывать на этой ярмарке. Пусть же этот сборник поможет представить, каким ярким и интересным событием, настоящим книжным праздником она стала.

Содержание

Предисловие	12
Поэзия	15
Нэлля Баева	15
Отрывок из книги «Русь святая».	16
Московское княжество	
XIII в.	16
XIV в.	17
«Сыну Даниилу Невский Москву завещал...»	18
1359–1389 гг. Дмитрий Донской	18
1377–1378 гг.	19
Куликовская битва. 1380 г.	20
Людмила Безусова	24
Неотправленное письмо	25
Никто не знает	26
Звуки	27
Вы были рядом	28
Борис Болотин	30
Из истории древней Руси	31
Как Илья Муромец решил учиться	31
Сила слова	34
Ольга Васильева	36
Транзит	38

Грозное око	38
Кавказ	39
Зевс в Крыму	41
Прощание (М.)	43
Петергоф, 9 мая	44
Юрий Выборнов	46
Наконец погасли свечи	47
Пылит дорога и уносит	48
Сны	49
Всему своё время	50
До слёз обидно за державу	51
Сегодня в моде	52
Зейд Гариб	54
Парусник в море	55
Утренний рассвет	57
Я люблю тебя без слез	58
Безответные чувства	59
Напиши мне стихи о любви	61
Михаил Годов	63
Сонет 636	65
Сонет 673	66
Сонет 680	67
Сонет 684	67
Сонет 753	68
Сонет 754	69
Сонет 794	70

Сонет 795	70
Галина Зайцева	72
Позови меня, Бразилия...	73
Ценности	75
Истина	75
Помидоры	76
Прости	76
Отпусти	77
Высотки	77
Липа	78
Доктор Зайцева	79
Советы доктора зубика	80
Щётка и паста	80
Про кариес	82
Про язык	84
Про вредные привычки	86
Александр Золотов-Сейфуллин	89
О солдате	90
Филателисту	91
Лицом к лицу	93
Диане	95
Посвящение В. Шукшину	96
Где ты, страна	96
Сущность № 1 (К олигархату)	97
Друг Аристотель	97
Татьяна Калашникова	99

История маленького мышонка	100
Гротеск	108
Совість	111
Поэзия города	112
Полина Корицкая	115
Триптих ухода	119
1	119
2	120
3	120
«И что-то вдруг переменялось...»	121
«Смотри, какая темнота, гляди, какая тишь!...»	122
«Ладонью тянешься к воде...»	123
«Волки целы, овцы сыты...»	125
«Помоги себе помочь...»	126
Красная юбка	127
«Он мне сказал: „До скорого“...»	129
Яков Мельник	131
Детдомовцы блокадных лет	132
Память не стареет	136
Иван Митряйкин	138
Накатим по маленькой	139
В переходе играл музыкант	140
Детский сон	141
Илья Морозов	143
Здравствуй, утро!	144

О точке...	145
Объяснение	145
Весенняя пастораль	146
«Душа моя родная...»	147
Животворный Пушкин	147
Ностальгия	148
Татьяна Павлоцкая	153
Шёпот жизни	154
А ты другой	155
В преддверии зимы	156
Весёлый человек	156
В парке у реки	157
Перчатка	158
Любовь Пивник	160
Женитьба болотлена	161
Глава 1	161
Глава 2	166
Василий Попов	168
Демон любви	169
Людмила Руйе	176
Добро должно быть с любовью	177
Беззащитная душа мужская	177
Я видела, на что любовь похожа	178
Я любить разучилась по-русски	179
Доброта	180
Я пойду Марией Магдалиной	181

Ольга Соколова	183
Твоя любовь, похожая на лето	184
Парила пашня, умытая на счастье	185
Лебедь белая	185
Ласковый меня согреет май	186
У джиннов сердца не бывает	187
А мы не тратили свечи	188
Тёплый ветер	189
Хуторок	190
Март	191
Алексей Хазанский	192
Твои прикосновения	193
Эпицентр	194
Мне нравится смотреть в твои глаза	194
Время	195
Листая грустные страницы	196
Он не был ни рабом, ни бунтарем	196
Бываю несносен порою	197
Граница	198
Шторм	199
Виктор Чекмарь	200
Влюблённый в Север человек	201
Михаил Чикин	203
Рябиновый романс	204
В осеннем лесу	206
Женщинам	207

Песнь орлу	208
Люблю я Русь	209
Елена Щербакова	211
Рождество в старой Москве	212
В испанских ритмах	213
Проза	215
Михаил Акимочкин	215
Папаша для демона	217
Борис Алексеев	223
Беглец Парамоша	225
Гюля Ализаде	229
Сияние сферы	230
Елена Альмалибре	237
Говори, что думаешь	238
Пусть всегда будет Чудик	240
Паяльник	244
Кира Бег	247
Светлое будущее	248
Конец ознакомительного фрагмента.	254

**Номинанты Московской
премии – 2019.
Хрестоматия.
Проза и поэзия
участников Московской
международной книжной
выставки-ярмарки**

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Предисловие

Перед вами, дорогие читатели, хрестоматия «Номинанты Московской премии – 2020», в которую вошли произведения победителей этого престижного международного конкурса, представленные на стендах 33-й Московской международной книжной выставки-ярмарки – 2020.

Здесь вы найдете работы как маститых авторов, уже хорошо известных и читателям, и критике, так и литературные дебюты, первые шаги к читателю.

Отметьте для себя многообразие представленных литературных жанров: и глубокую психологическую прозу, и яркую образную поэзию, и актуальнейшие проблемы жанра *pop-fiction*. Все для того, чтобы сложилась общая картина путей современной литературы.

В книге вы найдете рассказы, удивляющие глубиной психологизма и философичностью, местами пронизанные особым завораживающим ритмом, который сам по себе выстраивает сюжет и включает читателя в творческий процесс. Вы встретитесь с людьми необычайных судеб, несущими тяжкий и прекрасный крест видения, и с людьми простыми, добрыми и такими понятными каждому из нас!

Здесь ставятся глобальные философские вопросы, здесь идут поиски путей возрождения разрушенной гармонии мира.

Поэтические строки авторов проникнуты тем лучшим, что издавна присуще нашей поэзии: чуткостью и неуспокоенностью. Способность ступать «босыми пятками по лезвию ножа», к счастью, не утрачена настоящими поэтами.

2020 год – юбилейный год Великой Победы, и наши авторы горячо откликнулись на эту святую тему.

Семьдесят пять лет прошло со Дня Победы, но эти события продолжают волновать нас. В настоящем издании вы найдете и поэтические диалоги с участниками боевых сражений, и пронзительные истории о судьбах детей, переживших оккупацию.

Но так хочется нам верить в лучшее и строить жизнь по-новому! И авторы зовут нас в путешествия по улицам родного города, чтобы увидеть мир с иного ракурса и познать его сущность. Может быть, тогда удастся нам вместе с ними задуматься над судьбами человечности и духовности в наше время. Как не растерять накопленные веками духовные ценности под напором того, что принято называть цивилизацией? Как построить себя нового? Как научиться смотреть на жизнь вечно горящими глазами?

И, конечно, в этой хрестоматии ярко представлена фантастика – несомненный фаворит читателя в ряду литературных жанров. Но как же сложно в наше время открыть в этом жанре что-то новое! Космические войны и политические перевороты на неведомых планетах, взаимоотношения людей с разумными машинами, созданными наукой будущего, про-

гулки по параллельным мирам – все это было.

Писатели-фантасты, представленные в хрестоматии, предлагают вернуться к человечности и духовной чистоте как перспективному пути человечества. Одни ставят пугающе точный диагноз нашему времени. Но сумеем ли мы воспользоваться предложенным рецептом? Другие с доверчивой улыбкой протягивают руку будущему и готовы принять его вместе с фантастическими домашними механизмами и разумными роботами. Ничего, привыкнем мы и к такому миру – все равно наша светлая человеческая сущность окажется на высоте.

А кто-то вместе с читателем создает путь в прекрасное – тот путь, который каждый должен выстроить для себя и пройти по нему от начала до конца.

Итак, хрестоматия «Номинанты Московской литературной премии – 2020» перед вами, дорогие читатели.

Встречайте победителей!

Поэзия

Нэлля Баева



Нэлля Баева живет на острове Сахалин. Получила два высших образования. Сорок лет посвятила педагогике. Увлекается поэзией, живописью, цветоводством, туризмом.

мом. Стихи пишет с детства. Публиковалась в многочисленных сборниках и альманахах. Автор двенадцати исторических, познавательных, поэтических книг. Имеет различные дипломы и грамоты. Награждена медалями: Кирилл и Мефодия, Российской литературной премии – 2018, «Борис Богатков», «65 лет ИСП», «Александр Пушкин – 220 лет», «Владимир Маяковский – 125 лет», «Анна Ахматова – 130 лет», «Георгиевская лента – 2020» за вклад в развитие современной литературы и патриотическое воспитание молодежи. Член Интернационального Союза писателей и Российского союза писателей.

Отрывок из книги «Русь святая». Московское княжество

XIII в.

Костью в горле иго встало,
Трудно дышать Руси.
Время русской земле настало
Злую нечисть метлой мести!

Но силы еще не равны,
Земли в тяжком упадке.
Поднять экономику бы страны

И монголов прекратить нападки!

Встал в основе вопрос ребром:
Объединение – главное дело!
Не хотят татары уйти добром,
Как пиявки впились в тело!

Центром будет Тверь иль Москва?
В Твери правил Невского брат.
Не суждено ей стать центром тогда –
Москва возвысилась во сто крат!

XIV в.

Пограничным пунктом Москва была
До нашествия монголо-татар.
Возмужала, окрепла. Русь приняла
Политический центр как дар!
Со всех сторон народ в Москву стекался:
В центр производства, торговли, ремесла.
Сухопутных и морских путей узлом считался,
Князей политикой славилась Москва!

«Сыну Даниилу Невский Москву завещал...»

Сыну Даниилу Невский Москву завещал,
При нем была столица захудалой, овражистой,
Землями Коломны и Можайска город расширять,
По завещанию перешло Переяславское княжество.

Князей смущает киевский престол,
Внук Невского хотел его добиться.
На хитрость Юрий Данилович пошел:
На ханской сестре решил жениться.

1359–1389 гг. Дмитрий Донской

«Черная смерть» по Руси прогулялась
И мужской половине Ивана Калиты.
Только семья Дмитрия случайно осталась,
Отец добился княжения у Орды.

Девятилетний Дмитрий получил престол
По русскому обычаю и праву.
Разгорелась война за Владимирский стол.
Засуетились ханы: им не по нраву.

Орда противников Москвы вдохновила.
Кремль стал символом княжества Московского.
Москва притязания на лидерство отразила:
И Твери, и Новгорода, и князя литовского.

1377–1378 гг.

Вся Русь силушку Москвы признала.
Ханский престол шатким в это время был.
От натиска татар русская рать сперва побежала –
На следующий год Дмитрий ордынцев разбил!

Дмитрий много сделал для Руси,
Дорожил народом, пашнями, полями.
Дни в борьбе за власть с Ордой, Литвой прошли
И ненасытными русскими князьями.

Князь улаживал церковные дела,
Правда, не всегда удачно.
Жизнь в заботах, походах протекла:
Она не стала долгой – однозначно!

Пробуждения Руси час настал:
Дать отпор пора вражескому стану.
Великое княжение сыну передал,
Ордынского не спрашивая хана.

Куликовская битва. 1380 г.

Мамай наконец власть захватил,
Господство над Русью захотел закрепить.
С князем Ягайло союз заключил –
Славу былую восстановить.

Русь оказалась между трех огней:
На юге владения Мамаю простирались,
На востоке Тохтамыш грозился силой своей,
В Крыму союзниками генуэзцы оказались.

Хотел темник Мамай Москве предложить
Допустить генуэзцев меха добывать, торговать.
Сергий и Алексей советовали просьбу отклонить:
Нельзя латын на православную землю пускать!

Решением московского князя рассерженный,
Мамай войско собирать немедленно ринулся.
Мечтая видеть Русь униженной, поверженной,
В союзе с Литвой на русские земли двинулся.

Русское войско из конных и пеших дружин состояло,
Из ополченцев с рогатинами, топорами без счета.
За монгольское войско Мамаю гордость переполняла:
Мощь составляли аланы, половцы, генуэзская пехота.

Мамай хотел союзника Ягайло ждать,
Московский князь решил его перехитрить:
Навстречу татарам выйти и бой дать,
Не позволить монголам войска соединить.

За рощей засадный полк укрылся,
Вперед выдвинут конный отряд,
Строй пехоты цепью расположился,
Чтобы спину прикрывал русич-брат.

Знаменитый поединок состоялся вначале
Татарина Челубея с Пересветом-иноком.
Оба, схлестнувшись, замертво упали,
Но инок в русское войско доставлен конем.

Челубей был выбит из седла.
Фортуна русским мило улыбнулась,
Предсказала князю, как могла:
Удача от Дмитрия не отвернулась.

Рассвет. Мамай команду дал к атаке,
Русский полк был смят и уничтожен.
Татары, как тигры, бросались в драку,
Конями татар путь к победе проложен.

Русичи, спинами становясь друг к другу,
Выставляя копыя, отбивались от врагов.
Не подходя вплотную, обходя по кругу,
Враги стрелами в упор истребляли смельчаков.

Близился полный разгром русской рати.
В нужный момент трубы заиграли,
Засадный полк в бой вступил вовремя, кстати,
В панике татары врассыпную побежали.

Двадцать верст преследовала конница татар,
Рубила их, никому не давая пощады.
Открылся в полной мере полководческий дар:
Дмитрий Донской достоин памяти, награды.

Ягайло опоздал на однодневный переход
Неслучайно: князь Олег рязанский задержал.
Бесславно окончил Мамай свой поход,
Этого, конечно, он совсем не ожидал.

Гибель русских людей не была напрасной.
С москвичами рядом суздальцы, ростовцы шли.
Сражаться пошли представители княжеств разных –
Домой единым русским народом пришли.

Почувствовал народ дыхание благодатное
Свободы, приносящее конец Орде.
Битва утвердила Москвы мощь знатную.
Дань уменьшилась на Руси везде.

Главенство Москвы Орда признала
Среди княжеств, что окружали.
Куликовская битва народу показала,

Что силы Орды слабыми стали.

Людмила Безусова



Людмила Александровна Безусова родилась 22 мая 1955 г.

в городе Лабинске Краснодарского края. Воспитывалась в Армавирском доме ребенка до трех лет и до семи лет – в Отрадненском детском доме. Окончила Новокубанскую школу-интернат, в 1978 г. – лечебный факультет Кубанского медицинского института, в 1980 – клиническую ординатуру по хирургии. С 1990 г. по настоящее время работает врачом-трансфузиологом.

В 2015 г. – лауреат национальной премии «Поэт года» в номинации «Выбор издательства». Автор 31 сборника стихов. Лауреат Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина в номинации «Поэзия» 3-й степени и Международного конкурса им. П. П. Бажова в номинации «Поэзия» 2-й степени (2019 г.).

Неотправленное письмо

Я умоляю вас: не лгите
В признаниях в любви!
В услышанной сюите
Сквозили нотки лжи.

И это так прескверно,
Как скрежет по стеклу.
Не потому, что стерва,
Я фальши не терплю.

И не пишете письма
Мне из типичных фраз,
Без искренности, смысла.
Я же люблю не вас!

Не вас я обожаю,
Не с вами встречи жду.
О вас я не мечтаю,
В камине письма жгу.

* * *

О как же опрометчиво!
Достоинство храня,
Не позволяет женщина,
Изысканно казня,
Так унижать мужчину...
Отдам письмо камину!

Никто не знает

Ах, как не хочется стареть!
А умирать как неохота...
Но рядом с жизнью смерть.

А у неё – своя забота.

Никто не знает: где, когда
Сползёт кирпич по крыше,
Промчится молнии стрела,
Спасёт, кто будет ближе?

Поможет сердцу застучать,
Даст воздуха глоток?
Как важно это знать:
Спасает жизнь, в ком Бог!

Звуки

Ниспосланные свыше звуки
То радости несут, то муки,
То обещают мир и рай,
А то встревожат невзначай,

То, порождённые ненастьем,
Рвут душу, сердце на куски
И, радуя своим участием,
Объятием зажмут в тиски.

А то стучат дождём по крыше,
Курлычут в небе журавлями,
Пронзают небеса повыше

Весной кричащими стрижами.

То убаюкивают песней
Неугомонное дитя.
И нет милее и прелестней
Чудесной трели соловья,

Жужжанья труженицы пчёлки,
Ворчанья толстого шмеля,
Любви безумствующей чмоки,
Волны, бунтующей зазря.

Ниспосланные свыше звуки –
И мысли вслух, и Божество,
Души Вселенной струнки
И вечной жизни торжество!

Вы были рядом

Вы были рядом,
Где друзья,
Искали взглядом,
Не меня...

Где место лести,
Там ложе лжи.
И неуместны

Слова любви.

Её ведь нет,
Как не бывало.
Ей свой сонет
Не написала.

Не обязуйтесь
Меня любить.
Не залюбуйтесь.
Всё может быть...

Не замечтайтесь:
Любовь – мираж!
Не соблазняйтесь:
Не мой типаж!

Зачем так много
Я вам пишу?
Любовь от Бога.
Я к вам хочу...

Борис Болотин



Борис Болотин – доктор химических наук, действитель-

ный член Российской академии естественных наук, почетный химик РФ, почетный работник науки и промышленности РФ, обладатель целого ряда наград, среди которых – орден «Рыцарь науки и искусства» и медаль Кандинского «За особые заслуги», присужденная Европейской академией естественных наук. Является соавтором более чем 160 научных публикаций, 60 изобретений и двух научных монографий. На досуге пишет шуточные стихи, пародии, стихотворные переводы, которые опубликовал в виде книг: «Ненаучные труды» (2008), «Избранное» (2011), «В строку и в столбик» (2016), «Полудетские стихи» (2018).

Из истории древней Руси

Как Илья Муромец решил учиться

Парень из Мурома славным был малым.
Силой огромною он обладал.
Очень любил деревенское сало,
А грамотеев в душе презирал.

Буквы учить – тратить попусту время.
Пусть этим делом займутся попы.
Воин должен защищать своё племя,
Твёрдо держаться военной тропы.

Только ленивым был очень Илюша,
Всё-то досуг проводил на печи.
Очень любил он былины послушать
И уважал, безусловно, харчи.

Тридцать три года как миг пролетели.
Вдруг из столицы примчался гонец:
«Князь приглашает на этой неделе
В Киев явиться. Придёшь, удалец?»

Выпил пивка новоявленный ратник,
Сел на коня, почесал в голове,
Щит нацепил на потрёпанный ватник
И поскакал по росистой траве.

Едет Илюша себе мимодумно,
Дремлет, качаясь, на верном коне.
Вдруг кто-то свистнул: «Эй, парень, ты умный.
Что тут написано на валуне?»

Видит: на камне полно закорючек.
Рядом разбойник Могута стоит,
Крутит усы и мрачнее, чем туча.
Словом, отъявленный просто бандит.

Муромец молвил: «Я сам без понятия,
Этот кроссворд разгадать не могу.
Кто прочитает, отдам тому платье.
Мне же привычной дать в зубы врагу.

Впрочем, Алёша Попович учился.
Может, тебе обратиться к нему?
Я же, над грамотой сколько ни бился,
Не одолел эту страшную тьму».

Вызвал тотчас по мобиле Алёшу.
Тот по складам древний текст разобрал,
Снял с их души непосильную ношу,
Вот что он медленно им прочитал:

«Тот, кто прямою поедет дорогой,
Будет убит, как отъедет версту.
Тропка направо – к высокому стогу.
Ждёт там невеста. Уже на посту.

Только налево дорога открыта.
Ею кто едет, тот будет богат».
Влево поехали витязь с бандитом.
Киев их ждёт, нетерпеньем объят.

«Сдам я Владимиру-князю Могуту.
Будет доволен подарочком князь.
Это придумал я, кажется, круто.
Пусть за решёткой свистит эта мразь.

Сам же подамся к печерским монахам,
Грамоте выучусь, стану читать.
Боязно, правда, но нет уже страха.

Примет в свой круг меня местная знать.

Знания – это могучая сила.

Жаль только, поздно открылось всё мне.

Новая эра уже наступила.

Истина в ней, а отнюдь не в вине.

Будут тогда все дороги открыты:

И навигатор, и скайп, и «Ютуб».

Обзаведусь даже, может быть, свитой,

Может, куплю казино или клуб...»

Много веков с той поры пролетело,

Но не убавилась страждущих рать.

Левою тропкой на левое дело

Дружно спешат олигархами стать.

Сила слова

Безлюдно поле Куликово,

Лишь шлемы ржавые лежат.

Вдруг лёгкий шорох. Это Слово

Бредёт меж трупами солдат.

Рисует мне воображенье

Картину схватки давних лет.

Идёт жестокое сраженье.

Вперёд выходит Пересвет.

Он обложил Мамаю матом,
Да так, что ахнул весь народ.
Пришли на помощь все солдаты.
Врагу проклятья каждый шлёт.

Донской выводит из засады
Свой трёхэтажный русский мат.
И враг повержен. Много ль надо,
Чтоб в прах повергнуть всё подряд?

Промчались годы и столетья.
Настала новая пора,
Но живо Слово. Даже дети
Владеют им как мастера.

Нам не страшны врагов угрозы:
Оружьем мощным мы сильны.
И отольются гадам слёзы
За честь поруганной страны.

Ольга Васильева



Ольга Викторовна Васильева печататься начала не так

давно. На сегодняшний день является автором трех поэтических книг: «Легкая лира», «Транзит», «Неожиданная классика» (сборник переводов испанских поэтов классического периода).

Постоянно публикуется на сайтах: «Стихи.ру» (как Васильева-Даниелян) «Прозару» (как Васильева Ольга) а также на испаноязычном «Мундопоэзия» (Olga Danielan), на котором была отмечена призом «Новые таланты» и получила награду за стихотворение месяца.

Много занимается испанскими переводами: от фольклора до самой современной поэзии.

Транзит

Грозное око

Плывем как в Ноевом ковчеге...

Темь за окошком,

Плеск волн,

Дождь барабанит

По обшивке жестко.

Куда плывем – не знаем.

Только разговариваем

С тварями

За перегородкой

Неохотно.

Качает.
Скрипит коробка,
Где мы упакованы,
И чаем,
Что не утонем
Раньше срока
Установленного.
И реет смутно
Образ Бога,
Как на иконе
«Грозное Око».

Кавказ

Скуппия нависла
Над оврагом,
Размытым в приступе
Природного экстаза.
Цветные нити
Пропитаны ядом.
Вместе связаны –
Для красоты наряда.
Я не в силах
Оторвать взгляда.
Чем страшней –
Тем радостней.
Почему?

Тайна.

* * *

По речке с белой галькою
Идти, дивясь на корни
Деревьев, вырванных
В остервененье бури,
Переступая бревна,
Ободранные
До гладкости.
И козы отбирают
Мои цветы собранные,
Хвостиками помахивая
Ласково.

* * *

Сдавшись усталости,
Сидеть у водопада,
От жары сухого,
И есть помидоры
С терпким ароматом
И хлебом черным

И груши помятые.

* * *

Рассеянным взглядом
Следить за ястребом,
Что над поляной горной
С одичавшей яблоней
Круги чертит просторные,
Мышь высматривая.

* * *

И, отыскав проворный,
Холодный и кристальный
Ручеек, блестящий
Между камнями,
Пить, не насыщаясь,
Бессмертие руками.

Зевс в Крыму

Зевс в кучу согнал тучи
И пролил ведро воды:
Наверно, зацепился
Ногою неуклюже.
Разозлился.
Громом пригрозил
И молнии метнул
В кого не нужно.
Ворчал и бормотал.
Лениво удалился.
И золотое покрывало
С небес упало.
Веселая богиня Афродита
Прокралась к нам.

* * *

Мы проиграли
Во всех таймах,
Во всех пьесах
Господу Богу.
Силы слишком неравны,
Но слишком явна
Насмешка.
Ну и ладно.
Игра все равно нечестна.

Лучше станем качаться
Яблоней и черешней
И о счастье мечтать
Нездешнем.

Прощание (М.)

О неподвижность сада!
Только дрожание роз...
Я сбежала из ада,
Ища утешение слез.

Чаек крикливых ссоры,
Хохот сменяет плач.
Чаек, покинувших море,
Ждет терпеливый палач.

В невозмутимость яблонь
Моя превратилась страсть.
Чего тебе еще надо,
Мой божественный страж?

От созерцания розы
Глаз не оторвать...
О милосердный Боже!
Как же Тебя мне понять?

Журчание струн фонтанных
Льет на сердце бальзам.
Улетает прощальный
Души твоей фимиам.

Петергоф, 9 мая

Фиалки первые,
Подснежники белые,
Первоцветы желтые
Рассыпались по пригорку
В Петергофе.
Трава неяркая
Мхом кажется,
Подмороженная...
Только синички радуются,
Хотя голодные.
Снег сухой сыплется –
Словно из мешка вытряхнули.
Лебеди чистятся
В пруду от пыли
С желтыми клювами.
Важные, неторопливые.
Бредут пожилые прохожие
В поисках утраченного времени,
А школьники ищут будущее
И в счастье верят.

Юрий Выборнов



Юрий Выборнов – номинант литературных премий: им.

Сергея Есенина «Русь моя», «Поэт года», «Георгиевская лента», «Наследие», «Антология русской поэзии», А. Грина в рамках конференции «РосКон-2020», им. Сергея Довлатова, «Большая книга», «Национальный бестселлер».

Член ИСП и РСП. В 2020 г. вышла в свет книга «Куда уносишь, ветер, стих...».

Имеет награды: звезда «Наследие» III степени за вклад в развитие русской культуры и литературы, медали «Владимир Маяковский – 125 лет», им. Чехова, «Анна Ахматова – 130 лет», «Георгиевская лента – 250 лет», за вклад в укрепление национального самосознания и патриотизма, а также благодарность ИСП за активную творческую деятельность.

Наконец погасли свечи

Наконец погасли свечи,
ночь примерила фату,
стихли пламенные речи,
тишина, покой в саду.

Ослепительно сияют
в небе звезды и луна,
озаряют, окрыляют,
опьяняют без вина.

Воздух свеж, благоухает,
дарит дивный аромат,
будоражит и дурманит
тело бренное до пят.

Ветерок уносит в дали
муки дня, сомненья, смоль,
тихонько шепчет о морали,
утоляя сердца боль.

Жаль, но ночь недолговечна,
и крадётся уж рассвет,
а так была ведь безупречна,
изящна – дивный силуэт.

29 июля 2020 г.

Пылит дорога и уносит

Пылит дорога и уносит
годы юные мои,
взамен же ничего не просит,
кричит лишь мне: «Не тормози!»

Не тормози на поворотах,
будь весел, смел и впереди,
забудь совсем о разворотах,
а душу шире распахни!

Да распахни навстречу миру,
навстречу людям, доброте,
гримасу покажи трактиру
и мчи вперед к своей мечте!

Вперёд к мечте, она уж близко,
она уже не за горой,
и не пугайся, что так склизко,
коньки надень, беги трусцой.

Беги трусцой, живи с размахом
и будь всегда самым собой,
протись навек, протись со страхом,
имей характер волевой!»

Пылит дорога и уносит
години юные мои,
взамен же ничего не просит,
кричит лишь мне: «Не тормози!»

25 июля 2020 г.

СНЫ

Сны, в отличие от яви,
изобилия полны,
в них никто не осуждает,

что живёшь достойно ты.

В них нет зависти, нет злости,
нет болезней, нет сумы,
в них не ходят на погосты,
чтобы возложить цветы.

В них все близкие здоровы,
семьи все всегда крепки,
полны любви, и даже розы
не выпускают в них шипы.

Сны волшебны, сны прекрасны,
удивительны они,
так ярки, но жаль, не часты,
а порою коротки.

21 июля 2020 г.

Всему своё время

Всему своё время, место и час,
разрешатся проблемы, разрешатся на раз,
счастье заглянет, постучится в окно,
а также на сердце станет легко.

Легко и светло на сердце, в душе,
а жизнь восхитительной будет вдвойне,

возможно, конечно, даже втройне,
но, право, не нужно, хватит вполне.

Хватит, поверьте, даже вдвойне,
чтоб жить – не тужить, парить налегке,
горя не зная, не ведать невзгод,
смеяться, шутить без забот и хлопот.

Без забот и хлопот, не причитать,
любимое дело легко выполнять,
трудиться, работать засучив рукава –
и будет, конечно, здорова семья.

Всему своё время, место и час,
разрешатся проблемы, разрешатся на раз,
счастье заглянет, постучится в окно,
а также на сердце станет легко.

20 июля 2020 г.

До слёз обидно за державу

До слёз обидно за державу,
в которой нищих уж не счесть,
в которой по большому праву
оставили лишь только честь.

Лишь только честь, и ту – местами,

мораль всю вытеснили вон,
но всё же срамными словами
обогатили лексикон.

Обогатили не дай боже,
услышать предкам чтоб его,
они б сказали, что негоже,
и оскорбились глубоко.

Негоже жить в стране великой,
точнее если – выживать,
и становиться попрошайкой,
а впрочем, как и умирать.

До слёз обидно за державу,
в которой нищих уж не счесть,
в которой по большому праву
оставили лишь только честь.

20 июля 2020 г.

Сегодня в моде

Сегодня в моде словоблудство
и скучный вздор на языке,
а матерщина и беспутство
шагают гордо налегке.

Шагают гордо, лезут в уши
назойливо, всегда, везде,
а с ними вместе море чуши
враз расплескалось по земле.

Сегодня в моде также чванство,
кичливость, спесь в большой цене
и процветает спекулянтство,
забыв немного о труде.

Забыв немного, что кичиться
порою так не хорошо,
недолго так и простудиться,
да мало ли ещё там что.

Сегодня в моде, сегодня в моде
ужасного полным-полно,
на посошок вам всё ж в итоге
тихонько молвлю: «Ё-моё».

Тихонько молвлю и оставлю
вас на часок, мои друзья,
немного скорбь свою разбавлю,
но лишь водой из родника.

15 июля 2020 г.

Зейд Гариб



Зейд Гариб (Зейтулла Джаббаров) – поэт, писатель, публицист, заслуженный журналист, удостоен многих наград

Интернационального Союза писателей. Автор 17 романов, повестей, рассказов, новелл и эссе, 10 сборников поэтических произведений. Родился 30 июля 1946 г. в поселке Керчевский Чердынского района Пермского края. Россиянин по рождению. С августа 1956 г. живет в Азербайджане, работал оператором нефтеперекачки промысла № 3 НГДУ «Ширваннефть». Окончил АПИРЯЛ имени М. Ф. Ахундова, работал учителем в школе, завотделом писем и городской жизни и заместителем редактора газеты «Маяк», учился в партшколе, которую окончил с отличием. С 1984 по 1987 гг. работал в горкоме партии.

Парусник в море

Был ветерок на синем море,
На корабле подняли паруса,
День один прошел, и вскоре
Звездами покрылись небеса.

Над морем поднимается луна,
На вишневом небе видна она.
Скобочкой закрыла горизонт,
Безмолвно внемлет небосвод.

На море плещет южный штиль,
По приказу матросы сняли паруса.
Боцман прошелся, фонари погасил,

В каютах раздавались еще голоса.

Вторая команда вступила на вахту,
Корабль качало на мелких волнах.
В каюте считали прибыль по фрахту,
Матросы тихо спорили о пустяках.

Парусник спокойно пустили по морю,
Он шел курсом к берегу столицы, Баку.
Следом стая чаек подлетала порою,
Моряки в карты играли, разгоняя тоску.

На корабле находились пассажиры.
Плыли из Ирана в бакинскую бухту,
Была одна молодая супружеская пара.
Услышали слова. Женщина: «Не буду».

Отказ прозвучал тихо и достойно.
Молодой человек добивался ее руки.
Она отказала, глядя на луну, спокойно,
Глаза смотрели, не дергались веки.

Романтическая ночь и скобочкой луна
Могли сказать паре о многом в жизни.
Но долго длилась летом эта тишина,
Признаваясь в любви, бежишь от смерти.

Но все забудется в жизни опять,
Пройдут незаметно ваши годы.

Ты перестанешь звездой сиять,
Прибудут твоей старости заботы.

Ты вспомнишь этот вечер и море,
Как на виду плескалась синяя волна,
Морские чайки летали на просторе,
Огромной скобкою смотрела луна.

Утренний рассвет

Во мне божественная искра,
Вечно в озарении моей души,
Оживает лучами раннего утра,
Говоря: вставай, стихи пиши.

Я навстречу морю спешу,
Чтобы окунуться в яркую зарю,
Что написать, я сегодня решу.
Я светлое утро и море люблю.

Я слышу крики радости чаек,
Их взлет невольно восхищает,
И ветерок слегка лицо ласкает.
И цвет волны слегка поражает.

Дышу я свободно, хожу бодро,
На морском берегу ни души.

На мачте флаг наш реет гордо,
И все оттенки моря хороши.

Я утро открываю стихами,
Идут рифмой и строчками.
Голубое небо с облаками,
Ивы заиграли листочками.

Я эту свежесть парка вдыхаю,
Серебром луч заиграл по морю,
И про утренний сон забываю.
Эту утром радость я не скрою.

Рассвет над морем занялся,
Зазвенела брызгами волна,
Яркий луч на воде заигрался,
Смехом заливалась детвора.

Я люблю тебя без слез

Если вдруг заплачу от любви,
Не верь слезливому мужчине,
Наши мужчины любят без слез
И сердце дарят одной женщине.

За честь твою я смело встану,
Накажу обидчика я строго.

Тебя любить не перестану,
Живи со мною в жизни долго.

А если тебя я вдруг потеряю,
Не вынесу долгой разлуки.
Путь к могиле шагами измерю,
Скрывая свои слезы и муки.

Возложу я букет на могилу,
Ты любила эти красные розы.
Я подавлю боль через силу,
Но в глазах заблестели слезы.

Я люблю тебя один, без слез.
Одиночество меня съедает.
Отныне живу тихо, без угроз,
И всякий час любовь увядает.

В любви не требую замены,
Меня огнем она не зажигает.
С тобой не вижу перемены.
Судьба меня с тобою оставляет.

Безответные чувства

Пишу портрет твой, милый,
Твой лик засел в моей душе.

Благороден и благочестивый,
Ты мужчина редкий на земле.

Позировать мне не надо,
Напишу я образ на стекле.
Я вижу женским взглядом,
Его не видно и во мгле.

Не нужны мне полотно
И акварельные краски.
Ныне модно на стекло
Тебя нанести, как в сказке.

Нефть творит одни чудеса,
Пиши, стирай и вновь пиши,
Портрет готов за полчаса.
Тебя я напишу от души,

Пора освободиться от тебя.
Как в заточении глуши,
Должна я пожалеть себя.
Откуда берутся такие чувства?

Горишь одна, как церкви свеча.
Я любила чистое искусство,
А тут влюбилась враз, сгоряча.
Мир наполнен такими чувствами,

Женщина любит безумно мужчину.

Наяву при встрече и даже мыслями
Что за чувства овладели женщиной.

Напиши мне стихи о любви

Напиши мне стихи о любви,
Той, что женщина не знала.
Расскажи о чувстве любви,
Как его я себе представляла.

Не ту, что утром встречала
С закрытыми глазами у реки.
И не вечер, когда я сбежала,
Себя с тобой связав навеки.

Напиши мне стихи про любовь,
Какую я в жизни не испытала.
Жила полвека, молчала любовь,
Все было не так, как я мечтала.

Я была сыта в жизни, ухожена,
Но мне всегда чего-то не хватало.
В семье я была высоко посажена,
А ночью тревога нарастала.

Я знала: жизнь моя – сказка
И меня ни с кем не сравнить.

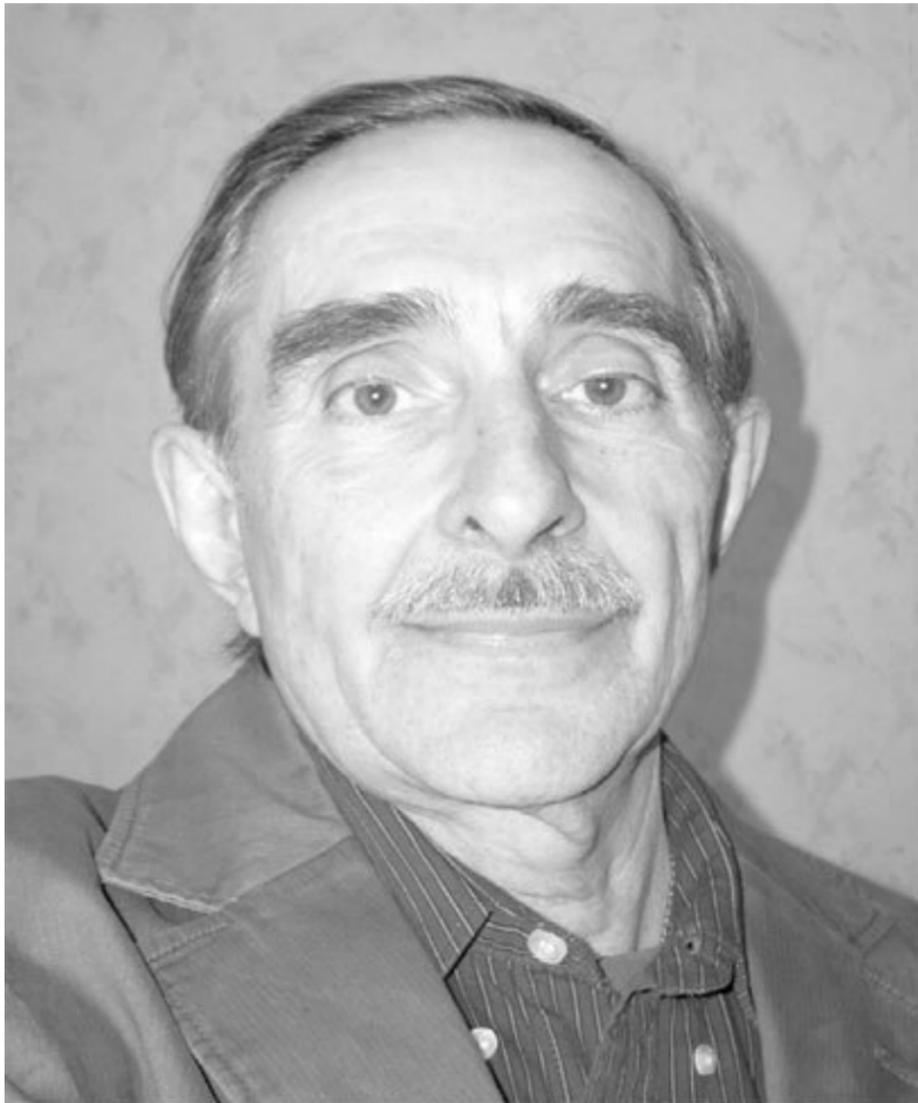
За счастьем пришла и развязка,
Не хочу такую жизнью жить.

Напиши стихи про ту любовь,
Какую я никогда не испытала,
Про сильную в мире любовь.
Душа каждую ночь шептала:

Желаю быть женщиной-личностью,
А не половую домашнюю тряпкою.
Жизнь была слишком прозаичною,
Когда я на других смотрела украдкою.

Душевную песню напиши о любви,
Придумаю к ней музыкальный мотив.
В моем саду запели твои соловьи,
Они исчезли от вечерних молитв.

Михаил Годов



Михаил Алексеевич Годов – член Союза писателей Москвы и Интернационального Союза писателей, поэт, автор 800 сонетов, 300 песен и романсов, 10 поэтических книг: «Я

лишь о вечном с вами говорю», серия «Современники и классики» (сонеты), «Unquenched thirst of love...» (сонеты), серия «Библиотека В. Набокова», «Я и все мои друзья», стихи для детей (серия «Чеширский кот»)... Золотой лауреат премии «Золотое перо Руси – 2008», номинант премии В. Белинского-2019 (шорт-лист), Московской премии – 2019 (шорт-лист) и др.

Участник ММКВЯ-2019. Включен в «Книгу рекордов России – 2020» как автор наибольшего числа сонетов, изданных в России.

С 2001 г. живет в Германии.

Сонет 636

Веков великое наследство...
Кому достанется оно?..
Вращает жизнь веретено,
А Мир опять впадает в детство,

Кольцо себе вдевая в ноздри.
А Мир впадает вновь в маразм,
Теряя смысл жизни, разум,
И раздирают его розни.

Бесценны мудрости крупицы:
Есть Миру, людям чем гордиться!
Наш долг – все это уберечь,

Все, что веками создавалось,
От дикарей, невежд, вандалов.
Всех прежде – Родину и речь!

Сонет 673

К тебе, Россия, обращаю взор:
Ведь ты моя последняя надежда,
Что крепь души твоей, что так безбрежна,
Даст сатанинским проискам отпор.

По воле Божьей суждено судьбой
Тебе служить защитой и оплотом,
И Робин Гудом стать, и Дон Кихотом,
И бескорыстно жертвовать собой.

И вот опять урочный пробил час:
А на часах уж «без пяти двенадцать».
Но не оружием время громко бряцать,

А вечных истин возвестить вновь Спас
И вызов бросить свой тотальной лжи,
Ведь Мир застыл у роковой межи...

Сонет 680

В огне, известно, нету брода:
Дом Солнца или царство тьмы.
Чтоб выжить, чтобы стать людьми,
Бой сатанинских сил уродам

Нам предстоит всем дать смертельный.
Здесь бесполезны компромиссы.
Союз голубки с адской крысой
Богопротивен, и бесцельно

Все красноречье Цицерона,
Все благородство Антигоны
Перед коварством Сатаны.

Не будь глупцом! Не будь наивен!
К несчастью, дьявол креативен –
Мы обольщаться не должны...

Сонет 684

Чтоб легкокрылой бабочкою стать,
Пройти придется через цепь рождений,
Чрез череду чудесных превращений

И в облике отжившем умирать.

Но не познать иначе озарений:
Лишь тупо пресмыкаться – не летать,
Не возрождаться к жизни, не мечтать –
Лишь ползать: так не встать и на колени!

Рождается все только через муки.
И встреча слаще через год разлуки,
И счастья вкус острее в пучине горя!

О первый крик! Рожденья первый миг!
Из мрака к свету, с тьмой кромешной споря:
Как человек родившийся велик!

Сонет 753

Летать мы не можем, как гордый орел,
И плавать не можем, подобно дельфину:
Так что же свою раздуваем гордыню,
Ведь нас муравей – даже он превзошел!

Выносливей нас и верблюд, и осел,
Гепард в спринте Болту показывал спину.
А как соловей нам споев каватину!
Причин быть скромней нам я б тыщу нашел.

Какие пейзажи природа рисует!
Каким ароматом цветы нас пьянят!
Да как надышаться красой их смогу я?!
Что люди с природой, с землею творят?!

Ее пуще жизни должны мы беречь:
Послушай... подслушай хоть раз ее речь!

Сонет 754

Послушай: подслушай хоть раз ее речь –
И тайны такие откроешь, и дали!
Их в тесной квартирке отыщешь едва ли,
И каменный ад не сулит с ними встреч.

И сразу гора с твоих свалится плеч:
Так что ж этой встрече мы сами мешали?!
И ты утолишь все немедля печали,
И выпадет наземь из рук твоих меч...

И ты ощутишь все блаженство гармоний
Земли первозданных, живых филармоний,
И вырвутся звуки, как узник из плена,
И миг обомлеют тапер и тапир...

И счастье окутает душу блаженно,
И в ней воцарится божественный Мир,

И космос наполнит любви кантилена...

Сонет 794

Я доверяю березовой роще,
Вишне цветущей и травам в росе,
Я доверяю песчаной косе...
Пусть Мир становится злее и жестче:

Я доверяю, ведь верить мне проще!
Пусть с недоверием косятся все,
Я доверяю Бизе и Массне,
Русским святыням и праведным мощам...

Я доверяю духовной основе,
Я доверяю печатному слову,
Книгам О. Генри, героям Ремарка,

Женщине той, пред которой немею...
Здесь разрешите мне сделать ремарку:
Не доверять я любви не умею...

Сонет 795

Золотом кроет вершины сусальным,

Как колокольни, рождаясь, рассвет.
Солнечный, Мир наполняя вновь, свет,
Словно орган, зазвучал гениально,

Недр души вновь коснулся сакральных,
Неизгладимый оставив в ней след!
Я возрождаюсь, как феникс, на свет
В звуках звенящих, могучих, хоральных

Для новых дел, для грядущих свершений,
Чтоб сделать Мир наш добрей, совершенней,
Чтобы дарить Богом данный мне дар!

И я спешу, избавляясь от лени.
Надо спешить, как спешат на пожар!
Медлить нельзя, я ловлю вдохновенье –
В вечности я растворяюсь мгновений...

Галина Зайцева



Галина Зайцева родилась в Белоруссии, землячка всемирно известного поэта Адама Мицкевича. Имеет высшее об-

разование в сфере культуры. Организатор постоянно действующего республиканского фестиваля поэзии «Связи ясной изящные крылья» (с 2007 г.), посвященного памяти А. Мицкевича.

Издала три сборника поэзии: «О жизни женскими стихами» (2003), «Сквозь ресницы» (2013), «Стихотворения» (2017 г., в серии «Поэзия двадцатого века», «Профиздат», г. Москва). На стихи написаны и исполняются песни. Номинант на Премию мира – 2018.

Финалист конкурса-премии имени героев Советского Союза М. А. Егорова, А. П. Береста и М. В. Кантария в номинации «Художественное слово о войне».

Удостоена юбилейной памятной награды ИСП «За вклад в российскую словесность». Кавалер юбилейной медали ИСП – 2020. Номинант Лондонской премии – 2020.

Позови меня, Бразилия...

Манит меня песочек золотой
Чистейших океанских теплых пляжей
С могучей, с ног сбивающей волной,
Перед которою утес слабеет даже...

Таинственные дебри Амазонки,
Хранящие секреты под водой.
Там можно встретиться и с райской птицею,

И с редкою огромною змеей...

Горбун-гора, на картах – Корковадо,
С величественной статуей Христа.
Поднимешься туда – и слов совсем не надо,
Захватывают дух простор и красота.

Спаситель будто обнимает этот мир,
Благословляя нас, глядит внимательно,
Напоминая нам, как мы хрупки
Перед могуществом Всевышнего Создателя.

Напротив – Сахарная голова,
Мифически зовущая, бесплодная гора,
Залив от океанских волн оберегая,
Красоты Рио-де-Жанейро открывает...

Манит растительность тропических лесов
И многоцветие волшебных орхидей.
Файшери, мандакару¹ удивляют высотой.
Мечтаю встретиться, Бразилия, с тобой!..

Увидеть бабочек в сиянье позолоты
И безобидные – с мизинец – уистити².
Введут там в трепет муравьеды, броненосцы,
Пирании кровожадные, ажурные болота.

¹ Файшери, мандакару – кактусы, достигающие высоты более четырех метров.

² Уистити – обезьянки размером с мизинец.

Бразильский кофе... лучше в мире нет,
Мечта – испить глоточек на рассвете.
Все мысли о тебе – с утра, на склоне дня,
Бразилия, так позови ж меня...

Ценности

Я люблю запах пижмы, ромашки, полыни,
Васильковую синь в колосющейся ржи.
Я люблю ширь полей, и холмы, и равнины,
И людей, с кем общаясь, не вижу межи.

Я ценю глубину человеческой мысли,
Наводнение чувств, когда искренность бьет,
Буйство диких лугов, что тревожат сознание,
И зовут, и манят, будто птицу в полет.

Дорожу чистотой, полнотой отношений,
Когда клеточкой каждой ощущаешь вкус жизни.
Вот в такие моменты сердце песни слагает...
Как же дорог мне край, что зовется Отчиной!

Истина

Искал он Истину на дне бокала,

Все глубже погружаясь в мир теней...
Но Истина его не понимала,
А рядом, на поверхности, лежала
И знала: дно бокала – не по ней...

Помидоры

Вы видели, как зреют помидоры?
Вначале бурые, затем – желты...
А через день под солнцем розовеют,
Как щеки девушки в момент ее мечты.

Затем, залитые пунцовой тяжестью,
Устало опустившись на ботву,
Ждут терпеливо, обреченно, жалостно,
Когда же я приду – и их сорву...

Прости

Я прошу тебя: будь милосерден,
В гнев слова свои не обрати.
Я виновна лишь в том, что я женщина...
Ты – мужчина. Пойми и прости...

Отпусти

Расцепи свои объятъя,
Отпусти меня на волю.
Износилось мое платье
Из измен твоих и боли...

Разлетелись мои бусы
Ожиданий и тревоги.
От тоски и огорчений
Подкосились мои ноги.

Расцепи свои объятъя,
Дай мне вырваться из боли...
Жизнь-портниха даст мне платье
Из сознания и воли...

Высотки

Скребут высотки
Небо над Москвою.
А я все не могу
Никак понять,
Зачем нам, людям,
Волшебство такое.

Ведь мы – не птицы,
Нам ведь не летать...

Липа

Загрустила липа за окошком,
Силу отдала своим цветкам...
Разрешила их сорвать в лукошко,
Чтоб зимой лечить простуду нам.

Аромат волшебный и целебный
Всю округу сладостью пленял.
Из медово пахнущих соцветий
Пчелок рой, жужжа, нектар собрал.

Ливень не щадя смывал остатки
Сладости небесной, неземной...
Пчелки, потрудившись в сладких хатках,
Напоили медом домик свой.

Доктор Зайцева



Олеся Зайцева – писатель и врач-стоматолог. Живет, пишет и ведет прием в Москве. Успешно совмещает профес-

сию врача и любимое дело – написание книг. Пишет в стиле романтического фэнтези. Сага «Повелители снов», а также детские книги о приключениях доктора Зубика. Книги выходят под псевдонимом Доктор Зайцева. В этом уникальном проекте совместились две любимые профессии автора: писать и лечить. Они неизменно нравятся и детям – за легкий слог и красочные картинки, и их родителям – за полезную информацию, которую они доносят до наших юных читателей.

Ведет волонтерский проект – стоматологический портал для пациентов Zub-Zub.ru. Главный редактор и консультант проекта.

Советы доктора зубика

Щётка и паста

Рано утром в нашей ванной
Щётку с пастой мы берём
И с привычкой постоянной
Чистим зубы день за днём.

Это я, Зубная щётка!
Всем знакома, всем нужна.
Как для сна нужна кровать,

Так для чистки я важна.

Это ручка, вот щетинки,
Что щекочут зубки нам.
А на ручке есть картинки,
Чтоб проснуться по утрам.

У кого-то там дракончик,
Пёсик, котик, бегемот.
И зелёный крокодильчик
Вам улыбку принесёт.

На пол Щётку не бросайте,
Чтобы грязной не была.
Киске в зубы не давайте,
Чтоб гулять с ней не ушла.

Сполоснуть не забывайте
После чистки каждый раз
И на месте оставляйте,
Не сбежала чтоб от вас.

Паста хитрая такая:
Чуть заснул – она бежать.
И стремится, убегая,
Пятен больше насажать.

С пастой, дети, плохи шутки,
Не игрушка вам она.

Не помогут прибаутки,
Дисциплина ей нужна.

Не пытайтесь пасту кушать,
Хоть и вкусная она.
Лучше доктора послушать:
В животе вам не нужна.

Тюбик сразу закрывайте
Крепко-крепко каждый раз,
Баловаться не давайте
И попасть вам прямо в глаз.

Щётка с пастою, ребята,
Друг без друга никуда.
Знают люди и зверята:
Дружба эта навсегда.

Про кариес

– Вот конфета, сладко-сладко! –
Восклицает детвора.
Вот и кариес, ребятки,
Радостно кричит: – Ура!

Я испорчу белый зубик!
Будет он как уголек!

Убирай-ка пасты тюбик!
Съешь конфету, паренёк!

Больше булочек на ужин,
Больше сахара в стакан.
Белый зубик нам не нужен.
Вот такой я хулиган!

Больше дырка, лучше домик –
Любит кариес простор.
В зубе он, как хитрый гномик,
День-деньской несёт дозор.

Строит там себе кроватку
И рабочий кабинет,
Ест печенье и конфетку,
Пять ирисок – на обед.

Вот откуда боль берётся.
Стоит только что-то съесть,
Тут же в ухо отдаётся.
Это кариеса месть.

– Рушить зубки не позволим!
Ведь себе мы не враги.
Злобный кариес прогоним!
Доктор Зубик, помоги!

Если в зубе поселился

Злобный кариес у вас,
Дырку сделал, там обжился
И купил противогаз,

Значит, вам пора лечиться,
Отправляться на приём,
Не бояться, не лениться.
Будем гнать его вдвоём!

Помни правило простое:
«Нет» – конфетам, фруктам – «да»!
И второе золотое:
«Сахар – вовсе не еда!»

Про язык

– Сколько нужно чистить зубки?
– Пять минут! А что потом?
– Вон из ванной? Нет уж, дудки!
Чистить мы язык начнём.

Можно щёточкой почистить,
Есть скребок для языка.
Он поможет вам очистить
Весь налёт наверняка.

Он у нас товарищ важный,

Помогает есть и пить.
Заболел! Что же делать?!
Как мы будем говорить?

Не почистим – станет грязный,
Неухожен будет рот.
Для чего он нам заразный?
Разводить там огород?

Нет нужды лизать сосульки
И холодным зимним днём
Трогать языком качельки,
К ним приклеиться потом.

Так стоять и звать на помощь,
А потом лечить язык.
Он живой, и он не овощ,
Жить в тепле язык привык.

А однажды рисовали
Миша с Олей натюрморт.
Краски в рот они набрали,
Потерял язык комфорт.

Стало всё во рту зелёным,
Защипало и загло.
Рисованье будет вредным,
Раз к болезни привело.

Захворает – мазь поможет.
Не поможет – доктор ждёт,
Полечить язык он сможет,
Чтобы кушать без забот.

Щёткой его почистим
И водичкой сполоснём,
Не забудем главных истин:
Чистота во всём, во всём!

Про вредные привычки

– Что я вижу? Что такое? –
Плачет зуб, расстроен он. –
Объяснение какое?
Что расскажет наш шпион?

– Это мальчик Федя утром
В дождь решил идти гулять.
Чтоб его не сдуло ветром,
Стал зубами зонт держать.

Зубки бедные старались
Из последних самых сил.
Хоть устали, не сдавались.
Федя очень их просил.

А теперь все разболелись
Непонятно отчего.
И конфет мы не объелись.
Вот спросить бы у кого.

– Наши зубы с непривычки
От нагрузки так болят.
Это вредные привычки
Зубки рушат у ребят.

Есть у всех привычки эти,
Уж поверь моим словам.
Зубки портят всё на свете,
Чтоб работать докторам.

Зубки семечек боятся
И орехов в скорлупе.
Им ведь некуда деваться
От такого канале.

Плохо, если у двойняшек
Одна щётка на двоих
Или братик-старшеклассник
Чистит зубки вместо них.

Грызть конфетки, есть салфетки,
Кушать соску, карандаш
Могут только малолетки,
Грудничковый экипаж.

На ходу иль с книгой кушать.
На бегу жуют лишь те,
Кто не хочет маму слушать
О зубах и чистоте.

Кто-то ногти зубом точит.
Кто-то семечки грызёт.
Кто-то фантиком щекочет.
Кто-то пальчики сосёт.

От таких привычек, дети,
Убегайте поскорей.
И послужат зубки эти
Без болезней и врачей!

Александр Золотов-Сейфуллин



Александр Золотов-Сейфуллин (1965-2007) – талантливый

вый, самобытный поэт и мыслитель. Родился в Ташкенте. С распадом СССР они с матерью сумели переехать в Россию. Со школьных лет писал стихи, мини-поэмы и философские размышления. Первые оценки творчества были сделаны издательствами «Российский писатель» и «Беловодье», позднее – ИД М. Бурдина и ИСП. За книгу «Сущности» – лауреат газеты «День литературы» «Высокий стиль – 2012» и лауреат Литературной премии мира в номинации «Проза» (2018). Поэтические произведения в 2020 г. на конкурсах ИСП удостоены трёх дипломов.

Поэзия А. Золотова-Сейфуллина полна мудрой философии, глубоко эмоциональна, искренна и лирична. Её темы – духовный путь человека, вера и стремление познать неземное, надмирное, прикосновение к тайнам мироздания.

О солдате

*(Посвящая деду, солдату, участнику
Сталинградской битвы)*

Единственной своей рукою
Он днём работал. Ночь сидел
И незатейливой строкою
Писал. Порою тихо пел.

И всё оправдывал терпенье

За сочиняемый им сказ,
Но горе века – невезенье
Его ждало и в этот раз.

Вертяся на скрипучем стуле,
Он, одинокий ветеран,
Не бывший у войны в отгуле,
В рассказе чувствовал обман.

И за столом своим горбатым,
Волнуясь, страшно уставал,
Но, засыпая бородатим,
К утру младенцем вновь вставал.

Весна 1980 г.

Филателисту

Послушай, страстный собиратель,
Давно ль среди радостных чудес
Ты выбрал это?.. Как Зевес,
Как Мира доблестный создатель,

Взираешь ты на дивный ряд
Роскошных маленьких творений,
Где лица прошлых поколений
Нам о грядущем говорят...

Взгляни! Вот видишь, в злой пустыне
Добряк горбатый нам предстал,
Своей торжественной гордыне
Он верен, как горцу кинжал...

Вот взгляд пантеры возбуждённый
Скользит среди девственных лиан,
Бросок – и кролик побеждённый
Уже попал в зубной капкан.

Вот нам явил орёл паренье
И, Солнце крыльями затмив,
Уж стал легендой. Будто миф,
Он отражает несмиренье...

Вот милых рыбок карнавал
Идёт спокойной чередою,
И крохотный жемчужный лал
Их нежит лаской световою...

Но что же здесь? Рисунок стёрт,
Поблекли краски созиданья,
Изображён Восточный порт –
Артура давнее преданье.

Всмотрись! Среди сгорбленных людей
Ты не увидишь взгляд беспечный.
Меж тем их хладит ветер встречный
И слепит жар чужих огней.

Они толпою непреклонной,
Приняв оружие отцов,
Давно не видя милый кров,
Но с верой, верой вдохновенной

Стоят железною стеной
И незапятнанной рукой
Подняли меч непобеждённый...

В своей бессилеи злобе враг,
Когда Отечества идеи
Горят и Славы Прометеи
Кроваво-красный держат Флаг.

...Порой поблекшая картина
Содержит более чудес,
Чем златорамна портретина.

Лето 1980 г.

Лицом к лицу *(Реальный случай из Афганской войны)*

Давно то было. И сейчас
Я вспоминаю те мгновенья,
Когда я пережил волненье

В значимый, небывалый час.

Передо мною враг стоял.
Дыханье наших душ стеснялось,
Граница зла обозначалась...
Тогда кто боле трепетал,
Не в силах я сказать правдиво...
Лишь он и я в тот миг тоскливый
Сжимали гневных чувств кинжал.

О наши взоры! Верх войны...
Они пронзали откровенно:
Один из нас глядел смиренно,
Другой, не чувствуя вины,
Лишь нёс коварное терпенье –
Итог пустого размышленья
И нрав жестокий сатаны.

Так мы стояли... Ветер знойный
Всё нёс ещё свои пары.
Лишь он один тогда достойный
Хотел нас примирить. «Смотри! –
Твердил он каждому отдельно. –
К чему безумные дары
Нести друг другу и смертельный
Исход пророчить? В Мире том
Для вас единый будет дом
И вечности покой постельный».

Земля и Небо! Свет и мгла
Являли нам тогда подобье.
И стёрлось вмиг идей злословье.
Природа наших душ смогла
Нас примирить. Мечты сбылися!
Враждебный Бог в покой ушёл,
Оставив власти произвол,
И мы в порыве обнялися.

Осень 1984 г.

Диане

Скажи, восточная Диана
И Азии волшебный дар,
Давно ли Сердца лёгкий жар
Тебя коснулся, как Корана
В мгновенья сладостных надежд
Касают пальцы мусульмана,
Когда в предместьях Тегерана
Он, не скрывая бодрых вежд,
Молит о Божеском прощеньи?
Но, друг, к чему тебе моленья?
В тоске бы я молился сам,
Склонившись к твоим ногам
В священной власти заточенья.

Осень 1984 г.

Посвящение В. Шукшину

Талант российский в нём дремал,
И там, в Сростках, в уединенье,
Среди ночи, когда движение
Уму подвластно, он не спал

И переписывал страницы
Из книги жизни, а они
Летели гордо, словно птицы,
И были мудрости полны.

Барнаул, стройотряд, 1985 г.

Где ты, страна

О ты, страна любви небрежной,
Страдания холодный дом,
Страшусь тебя Душой мятежной,
Борясь с тобой твоим же злом.

Декабрь 1991 г.

Сущность № 1 (К олигархату)

Мы ведь желаем владений бесчисленных,
Переступая границ представления...
Ангел порхающий и охраняющий
Скоро, крылами свисая, измученный,
Метит падением в точку воззрения
На справедливый подход разделения.

Май 1998 г.

Друг Аристотель

Друг Аристотель! Где твои мощи святые?
В землях каких ты положен, сбегая при жизни от власти?
Нынче мы суетны все, и не сберётся к тебе ученик
терпеливый,
В круг становясь или ряды мужей просвещённых,
Чтобы приникнуть к листам, на природе общаясь с
тобою.
Также чутьём неизвестным измерить движение сущих,
Знак от тебя получив, что уроки проходят успешно.
Это ль не дар?! И отметка наитию юношей славных,
Им воспитаясь навеки твоим отражением Мира?..
Немощный век наш уже не осилит творений,
Даже тебя привлекая, – останешься ты не у дел.

Декабрь 2005 г.

Татьяна Калашникова



Татьяна Калашникова (Россия, Москва) – поэт, член Интернационального Союза писателей, номинант междуна-

родных и национальных литературных конкурсов. Отмечена благодарностью Государственной Думы за активное участие в литературной деятельности России. Автор книг «Тьма, свет и равновесие жизни», «Большое сердце маленького мотылька» и «История маленького мышонка».

Татьяна активно публикуется на портале «Стихи.ру», в российских и международных журналах и альманахах. Произведения автора многообразны: о любви, о войне, о человеке, детские, философские.

На Московской международной книжной выставке-ярмарке в 2020 г. Татьяна презентовала сказку в стихах «История маленького мышонка».

История маленького мышонка

(Отрывок)

Белая зима пробралась на волю –
Мягким покрывалом застелила поле,
Деревья раздела в снежные пижамы
И колыбельную запела нежно, словно мама.

А ночь свои штрихи добавила к картине:
Мороз трескучий создал синий-синий иней,
Укутал покрывала в прозрачный плотный лёд –
Свистящий ветер не разбудит, не пройдёт.

Кругом не отыскать живого и не слышен шорох,
Все звери спят в своих уютных тёплых норах.
На всём широком поле не найти следов и троп...
Но только чья-то тень упала на сугроб.

Совсем один среди заснеженных картин,
Сидит мышонок на пригорке. Он не смог найти
Свою нору: жестоко вход мороз заколотил,
И не пробить мышонку ледяной берилл.

Тяжёлым бременем на уши давит тишина,
От холода и страха хочет спрятаться душа,
Но – некуда. Малыш дыханьем слабым согревает лапки,
Во тьму шагает осторожно и с оглядкой.

Могучий чёрный лес встаёт бревенчатой стеной,
Там не найти тропинок, там напряжён покой.
Сильнее маленькое сердце бьётся, бьётся,
Но ничего другого малышу не остаётся,

Как в страшный лес войти. Здесь запахи и треск,
И серебрится сумрачный туман, как занавес.
Деревья норовят схватить мышонка за манишку.
Внезапно рядом с ним упала сверху шишка.

Отпрыгнул он и поднял голову наверх,
Услышал между ветками глухой протяжный смех,
Два глаза, как два солнца, ярко ослепили –
На ветке дерева сидит огромный филин!

Увидел он мышонка и расправил крылья,
Сверкнул глазами и взъерошил свои перья,
И спрыгнул вниз, и плавно на мышонка полетел,
И острый его коготь чуть мышонка не задел!

Мышонок оглянулся в поисках убежища,
Но равнодушно лес застыл, а филин будто тешится:
Кружит – и с каждым поворотом уменьшает круг,
И ринулся к мышонку... И – тишина вокруг...

Лежать мышонку на снегу и холодно, и сыро.
Сначала тельце мёрзло, а потом заныло.
Упал малыш на спину, поднял лапки кверху,
Кружился долго филин, да улетел, растерян.

Мышонок ещё долго боялся шевелиться:
То где-то снег скрипнет, то ветка наклонится.
Чуть шевельнул он ушком. Рядом – никого.
Побрёл он в чащу, тёмный лес укрыл его.

Мышонок съехал с горки и почувствовал тепло,
Услышал тихий храп, от страха хвост свело.
Но, осмотревшись, наш малыш немного осмелел:
В медвежий дом пробраться он сумел.

Хозяин спит в берлоге крепким зимним сном,
Его дыхание мышонка обняло теплом.
Тихонечко мышонок осмотрел берлогу,

Но ничего съестного не нашёл. Под боком

У медведя лёг малыш, пытаюсь отогреться.
Хотелось очень кушать, да никуда не деться...
Под ровное и тихое дыханье косолапого
Так сладко засыпать маленькому, слабому.

От голода светло маленький желудочек,
И долгий сон мышонка сменился утром будничным.
Он вылез из берлоги. Диск солнышка сиял,
И лес в серебряных снегах стоял.

Вдруг перед мышонком стал расти сугробик,
И показались лапки, и показался лобик,
На чёрный нос свисает пара ушек –
Возник зайчонок на большой опушке.

Зайчишка лопухий пригласил мышонка
В свой дом, где ждут и братья, и сестрёнки.
Недалеко пришлось идти. И за одним столом
Мышонок пировал с зайчишками зерном.

Опять малыш бредёт совсем один во тьме.
У зайцев было сытно, но быстро день померк:
В уютную нору влетели снежные потоки –
Друг к другу жались все, но всё равно продрогли.

Мышонок долго брёл в сугробах по колёно,
Ему хотелось в норку, на луговое сено.

Не день один, не ночь одна уже прошли,
Метели много раз следы умело замели.

Но перед ним теперь открытое пространство –
Застывшее во льдах огромное речное царство.
Скользят все лапки – просто так не перебраться.
А лисий хвостик за кустами начинает появляться.

Вдруг вытянулась над сугробом хитренькая моська
И прыгает за ним. На речке очень скользко!
По льду на брюшке едет рыжая лисица –
В охоте она с детства умница и мастерица.

Всё ближе берег, а лисичка догоняет.
Мышонок к берегу добраться успевает,
Но намело сугробы огромного размера.
И как мышонку выбраться из снежного вольера?

Но неожиданно послышались птичьи голоса.
На звонкий щебет от охоты отвлеклась лиса.
Два снегиря над спящей речкой пролетали,
Охоту на мышонка сверху увидали,

На помощь к малышу скорее опустились,
За лапки клювиками с двух сторон его схватили.
Злой рык лисы застыл среди лесных трущоб.
Лисица прыгнула... и угодила моською в сугроб!

А снегиря мышонка к небу высоко подняли

И для веселья в воздухе немного покачали.
На крепкой ветке дерева втроём они присели
И, как сороки, птицы дружно загалдели:

– Ты цел? Откуда? Поскорее расскажи нам!
И как ты чуть не стал лисице рыжей ужином?
Мышонок рассказал о всех своих напастях
И с грустью вспомнил дом и вкусные припасы.

Снегири хлопочут и летают, всё малышу во благо:
То шишек принесут ему, то зимних сочных ягод.
За красной сладенькой рябиной вниз они слетели,
Но вдруг холодный зимний ветер налетел.

Ветку сильно раскачало, и серого мышонка
Ветер подхватил и потащил вдогонку
Спешащим вечно ниоткуда скучным облакам.
И некому помочь мышонку. А ветер заиграл

И где-то красный лист зимой найти сумел.
Листочек задрожал и рядом полетел.
Малыш хвостом схватился ловко за него.
– На помощь! – пропищал. Но рядом – никого...

Куда теперь его нелёгкий путь ложится?
Летит он высоко, и вниз не опуститься.
А в тёмных далях замаячили неясные огни.
Готовит будущее малышу неведомый сюрприз...

* * *

Я отпущу на запад вдохновение,
И полетит через моря
Моё лихое вожделение,
Моя забвенная заря.

Свободным вздохом над обрывом
Невольно грифом покружит,
И в возгласе её крикливом
Себя найдёт другой пиит.

Распустятся стихи цветами,
Рождая маленький сонет.
Ведь для обмена меж певцами
Границы в этом мире нет.

* * *

Многоэтажки тонут в золоте вечернем,
В прозрачной синеве купается листва,
А время с поведением манерным
Свои минуты оплетает в кружева.

Уже бессонница томится у порога,
Усталая душа готовит крепкий чай.
Всплакнёт в углу забытая тревога,
Уснёт на кресле как бы невзначай.

А мне бокал любви бы выпить залпом
Да откусить немного страсти роковой.
Но вдохновение неслышно показало
Молочный путь над розоватой мглой.

Судьба вертлявая – опасность перекрёстков,
Забытые аккорды бесконечной лжи.
Но как бы ни было бы хлётко,
Не тают под луною миражи.

Руками трону звёздные бриллианты,
Что россыпью звенят в закатный час.
Сонетов неоконченные мантры
Блаженным ритмом наполняют нас.

* * *

Этот мир, покрытый пеплом перламутра и печали,
Расцветает над обрывом, где мечты не одичали,
Где поётся песня жизни в унисон шальному ветру
И где каждый шаг приравнен к своему земному метру.

Ночь сменяется зарёю новой жизни, новых целей
И выращивает поле нежных розовых камелий.
Позабывтые мотивы бередают чужие мысли,
На зеркальном небосклоне стаей бабочек повисли.

Непорочная природа не прощает здесь повинность,
Равновесие – опора, красота – её невинность.
Здесь в блаженстве воскресают те нетленные творенья
Что ласкались палачами без минуты сожаленья.

И в угоду чей-то воле, чьим-то мыслям и желаньям,
Без научной парадигмы и без твёрдых оснований
Расцветает над обрывом, где мечты не одичали,
Этот мир, покрытый пеплом перламутра и печали.

Гротеск

Тихая музыка ветра
Не помнит, не знает границ.
Отголоски фонарного света
Уснули между ресниц.

А утро щебечет задорно
И стелет коврами пути.
Улыбка мелькнёт проворно
И слышится эхо «прости».

Моргает фонарь у аптеки,
И тает фальшивый день.
Души людские – калеки
И чья-то простая мишень.

Всё больше границы смывает
Туманной дымки слеза,
Все больше себе позволяет
Бездонных глаз бирюза.

Вот кажется, ночи пустые
Границы начертят во мгле.
Но снова стоят запятые
У кем-то забытых ролей.

Сам дирижёр замирает,
Смолкает ветра оркестр.
И все границы смывает
Придуманный мною гротеск.

* * *

А счастье любит тишину,
О нём ты не споёшь, не скажешь.
О нём молчать лишь только станешь,

И в снах своих, и наяву,
Ведь счастье любит тишину.

Когда у самого порога
Котёнком заскребётся в дверь,
Не прогоняй, ему поверь,
Впусти и обогрей немного,
Не оставляй у самого порога.

Ты вспомни день без счастья своего,
Как птицы вовсе не щебечут,
Как в сердце быстро тухнут свечи,
Поётся песня тяжело
В том дне без счастья твоего.

Но если счастьем день наполнен,
В душе гармония цветёт,
И пчёлки дарят сладкий мёд,
И аромат цветов наполнил
Тот день, что счастьем наполнен.

Но счастье любит тишину,
Его храни ты в сердце потаённо.
Не обсуждай его безвольно,
Чтобы его не отпугнуть.
Ведь счастье любит тишину!

Совесьть

Душа человека просторна, тепла,
В нём многие чувства живут не спеша.
Но где-то на самом глубоком доньшке
Живёт в полусонной дрёмушке

Маленький пушистый лохматый зверёк
И греет душевный свой уголок
Сладкими фруктами и вкусными снами,
И грезит о чём-то, но только ночами.

А имя загадочного героя повести –
Простая людская Совесьть.
И зверьку хорошо у человека внутри
Жить тихо, спокойно от зари до зари.

Он спит как котёнок и ест как щенок,
И часто весёлый забавный зверёк.
Но если проснётся в дурном настроении,
Коготками скребётся в большом нетерпении,

Не может никак себе места найти:
То выть начинает он на полпути,
То носик упрячет куда-то под кресло,
То носится по душе бесполезно,

То горько плачет, скулит и трясётся,
То нервно фыркает, будто смеётся.
Покуда Совесть не сумеет успокоить,
Зверёк так и будет внутри беспокоить.

А коли смело и честно поступишь
И извинения в себе не заглушишь,
То Совесть опять, весёлый зверёк,
Сытый и сонный, хранит уголок.

Поэзия города

Благовучно дыханье морозной ночи,
Застывают сны над каплей дождя.
Над покрывалами туч месяц захочет
Земной поэзии пару страниц почитать.

Слегка раздвинет перины он душевные,
Впитает предзимний воздух ночной
Его свет. Туманы дымные, ушлые
Стирают шрифты под чьим-то окном.

Тогда спустит месяц фонарики звёздные,
Поэзию города подсветит себе.
На тёмных улицах путники поздние
Напишут поэму о разной судьбе.

Печально месяц головой покачает,
Трагикомедий вкусив купажи,
И для людей, как добрый посланник,
На небесных просторах создаст витражи.

* * *

Мой околдованный сон
Тихо поёт дифирамбы,
Задан лирический тон,
Плотно задвинут заслон
Возведённой годами дамбы.

Только не сдвинуть уже
Оковы с худого запястья,
Жизнь и забытый сюжет
Вместе сшивает в манжет,
Вспоминая былые напасти,

Исхудалое настроение.
В переплёте книжных страниц
Потеряно к целям рвение,
На чьи-то глупые мнения
Воздвигнута пара бойниц.

И смех не от слез тревожных

Разбудит ночной дурман.
Во снах забываться сложно,
Ведь нас обнимает безбожно
Нарисованный нами обман.

Седые кисточки мокнут
В скудных красках зари.
В картинах неслышно утонут
Цитаты, что стали законом,
Писателя Экзюпери.

Полина Корицкая



Полина Николаевна Корицкая – поэт, прозаик, детский писатель.

Родилась в г. Томске. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького.

Член СП Москвы и ИСП.

Автор книг «Самокрутки» (проза, 2014 г.) и «Симптомы быта» (поэзия, 2019 г.).

Победитель фестиваля молодой поэзии «Филатов-Фест», 2019 г. Лауреат премии «Начало» Союза писателей Москвы, 2019 г. Лонг-лист премии «Дебют» (малая проза, 2011 г.). Лонг-лист VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лонг-лист XV, XVI Волошинского конкурса по поэтическим номинациям. Участник и стипендиат форумов молодых писателей ФС-ЭИП. Лонг-лист премии «Лицей», 2019 и 2020 гг. (поэзия).

*** * ***

Давай поиграем, что ты – Модильяни,
Я – двадцатилетняя девочка Аня,
Запечатлевая черты,
Ты кистью ведёшь по бумаге, бумага
Плывёт в акварели и пахнет как брага,
Как пахнут любые цветы.

Давай поиграем: ты вышел из дома,
А я подошла, тебя нет, неудобно, –
Но времени в принципе нет, –

И вот, обрывая французскую клумбу,
Курю между делом (спасибо Колумбу),
Ну где уже этот брюнет?

Ну где желтобрюкий, несносный, несносный,
Его затанули дурацкие сосны,
Я небу – кулак и язык.
В окно – все цветы, и цветы улетают,
Давай поиграем, давай поиграем,
Давай, ты азартный мужик.

Окно высоко, но какое мне дело,
Цветка улетает небесное тело,
И доски паркета цветут.
А я всё стою, ты несёшься навстречу,
И есть у нас планы на жизнь и на вечер –
В шестнадцать счастливых минут.

* * *

Посмотри, Одиссей: вся Итака застыла, оскалась,
И сопит Пенелопе в затылок, и держит за пряжку.
Пенелопа молчит и не знает, зачем здесь осталась –
Телемах не зачат – незачёт, – остаётся за пряжей

Горевать и выкатывать гордые голые строки,

Выковыривать норы, смирять неуёмную шею.
Столько лет. Столько лет! И горят все возможные сроки.
Пенелопа молчит, в наказание себе хорошея.

Пенелопа не спит, и лицо заплывает кругами.
Пенелопа не ест, лишь худея, как любо Итаке...
Календарь облетает, и в небо летит оригами.
Женихи обступают, вопросы бросая: «Итак? И?...»

Измождённая женщина хочет скорее стать старой,
Чтобы волосы – пеплом, чтоб губы – тугою полоской.
Тихо в море... Земля для гостей запасается тарой.
Пенелопа ведёт по пробору колючей расчёской.

* * *

Неприкаянно, устало,
Словно сил и нервов нет,
Человек идёт по шпалам
И в руке несёт пакет.

Человек идёт по шпалам,
У него в пакете дом.
В нём для каждого есть пара,
В нём Гоморра и Содом.

В нём и взрослые, и дети,
Египтянин и узбек.
Есть и дырочка в пакете,
Из которой мелет снег.

Есть и дурочка, и доктор.
Есть роддом, университет
И ещё, возможно, кто-то,
Кого в мире вовсе нет.

Человек прошёл всё лето
И сегодняшних полдня.
Я кричу со дна пакета:
«Ты зачем несёшь меня?»

Только отзвуки вокзала
Различимы вдалеке.
В темноте сияет шпала,
Колыхается пакет.

Триптих ухода

1

Вполовину слепа, потому что припомнила старое,
Да еще осуждение мошкой вошло под веко.

Я вижу: левое плечо стало выше, чем правое.
Ты замечал это? Разве мельком.

Не заплачу теперь – не в кого, да и некогда:
Дети, долги, хирургические вмешательства.
Тёмные рыбы рук память качает неводом.
Такие посильные, нехитрые обязательства.
Я ещё этим слогом дыру в тебе продышу.
Иди же. Иди. Не трогай. Мне некогда: я пишу.

2

Тарелка пустеет –
Дети мелют за обе щёки.
Мелеет постели
Заводь, тобой прощёлкана.

Я не злюсь на неё,
Сама теперь стала шёлкова.
Каберне-совиньон.
Глоток от шока.

3

Разбираю медленно наши каменные завалы.

Темнеет лицо имени Земляного Вала.
Какой сейчас именно камешек проглотить?
Перекрыты пути дыхательные, как прочие все пути.

Уходи, уходи, как от Спаса до Спаса август.
Бьётся где-то в груди ледяной некрасивый палтус.

«И что-то вдруг переменялось...»

И что-то вдруг переменялось.
Ничто не предвещало, но...
Такая малость – эта милость,
А неохватна всё равно.

Такая радость – эта редкость,
Что глупость, кажется, каюк!..
Но этот страх и эта ревность
Сродни качанию кают.

Всё выше тянутся канаты,
И якорь ест речную мель...
Дороги, словно каганаты,
Пленили нас отсель досель.

Отели – городские сводни –
Раздели нас от сих до сих,
Так что по самое сегодня

На теле только этот стих.

И ты читаешь аккуратно,
Боясь помять и повредить...
Я до сих пор смотрю обратно,
А вижу – только впереди

Вдаль убегающие рельсы,
Вагона длинные бока.
Похожи на седые пейсы
Из этих окон облака.

А их количество примерно
Приводит сумму наших лет.
Я твёрдо знаю, что бессмертна.
Вот справка. То есть мой билет.

**«Смотри, какая темнота,
гляди, какая тишь!..»**

Смотри, какая темнота, гляди, какая тишь!
Нестрашно ночь большим котом прозрачным животом
Легла на ноги, и покой – неважно, что потом...
Конечно сильно, больше всех, о чём ты говоришь.

Наверно, завтра будет снег, и весело, и лёд...

Нет-нет, я больше не кричу, мы больше никогда.
Пить? Погоди, вон там стоит на тумбочке вода.
Что там за форточкой гудит? И правда, самолёт.

Да, златоглазки говорят на древних языках.
Одна из них моей сестре приходится кумой
И ближе к лету прилетит в Москву и к нам домой.
Да знаю я, что ты стоять умеешь на руках.

Я посмотрела бы сейчас, как ты на них лежишь.
А может, всё-таки сама? А я на кухне там...
Ну ладно, ладно, я ложусь, не надо, перестань.
Конечно сильно, больше всех, о чём ты говоришь...

«Ладонью тянешься к воде...»

Ладонью тянешься к воде,
Бесстрашно за борт свесясь.
А у меня был трудный день
И будет сложный месяц.

Блестит как звёзды чешуя,
Цепляется к одежде.
Мне дочь сказала: чаще я
Грустна, не то что прежде.

Я показательно смеюсь

И громко улыбаюсь.
У вас зашкаливает плюс,
Подкашивает градус.

А я пишу по существу
(Ещё бы не мешали...),
С балкона трогаю листву,
Поёживаясь в шали.

И представляю Даламан.
А в это время снизу
Узбек площадку доломал
С напарником-киргизом.

Я так и вижу Сарсалу,
А может быть, Сарсалу.
Мне завтра снова в кабалу,
Хоть и заколебала.

Венчает стаксель левый борт,
И женщина – на правом.
Бежать с пакетом – тоже спорт,
Особенно с оравой.

Там «тузик» на воду встаёт,
Тут в тазик льёт из крана...
Но где моё, а где твоё
И чья больнее рана?

«Волки целы, овцы сыты...»

Волки целы, овцы сыты,
Сверху дым висит.
Я теряю лейкоциты,
Господи, спаси.

Анемичная, глухая,
Захожу в метро.
Капилляры высыхают,
Сушится бедро.

Змеевидная полоска
За моей спиной.
Тело выцвело при носке,
Но ещё со мной.

Да, я знаю. Нет, не очень.
– Доктор, почему?
Вены целы, между прочим.
Примете? – Приму.

– Доктор, док, я догадалась
(А иголка – вжик-с!),
Просто я сдаю анализ
Как зачёт на жизнь.

Мне не жалко глупой крови –
Я ведь сдам зачёт?..
Вот, возьмите на здоровье
Миллилитр ещё.

Лишь бы целы, лишь бы сыты
И никто не бит.
Если тело моё – сито,
Дайте, доктор, бинт.

«Помоги себе помочь...»

Помоги себе помочь.
Поднимись, надень
Серьги длинные, как ночь,
Чёрные, как день.

Червоточиной молчи,
Сонно голубей
И кроши на кирпичи
Хлеб для голубей.

Покорми свою ладонь
Платьем шерстяным.
Только кажутся бедой
Песни шестерых.

Всё сливается за так,
Дыбится вода.
Серьги звякают за такт –
В чём же тут беда?

Платье волнами лежит
У твоих колен.
Они плавали во лжи,
Получили крен.

Только отработай взгляд,
Да поможет Бог,
Если уши заболят
От таких серёг.

Красная юбка

Доставай свою пыльную трубку,
Забивай до краёв табаком!
Я несу домой красную юбку,
Чтобы ты её сбросил рывком.

Я несу её в тонком пакете,
Огнестрельную, как пистолет.
На каком поднебесном макете
Подглядели такой силуэт?

Как приманка её плиссировка –
Закачаешься, точно бычок.
Не спасёт боевая сноровка.
Доставай, говорю, табачок!

А потом подноси зажигалку,
Её красное тело включай.
Это всё городские пугалки,
Всё брехня недоучки-врача,

Что курение вредно дыханью,
Мол, ещё пожалеет потом.
Не от рака мы все подышаем,
Мне Губанов поведал о том.

Ты, конечно же, волен не верить
(Где же этот дурацкий табак?),
Только если уж думать о смерти,
Лично мне думать хочется так:

Я хочу умереть в красной юбке,
Неизбежно сгорая нутром,
Видя, как ты берёшься за трубку,
Зная, что с нами будет потом.

Ещё встанет как надо Меркурий,
Красный тон обезличит слова.
И тогда непременно закурим.
А пока доставай, доставай.

«Он мне сказал: „До скорого“...»

Он мне сказал: «До скорого»,
А значит: не спасёт.
И я сижу покорная,
Согласная на всё.

И только буквы гласные
Выходят изо рта,
Поскольку нет опасности,
Не будет никогда.

* * *

никогда говорю всегда
и последний скажу смеясь
я несу на плече кота
не боится мой кот упасть

кто-то косится срамота
я всегда хоть немного ню
я держу на плече кота
и его я не уроню

котопадов ушли года
и безвременно унеслись
я несу на плече кота
мы носы задираем ввысь

там на небе свои стада
кучерявый пастух пасет
я держу на плече кота
не пойму кто кого несет

Яков Мельник



Яков Игнатъевич Мельник родился в 1941 г. на Украине.

Образование высшее. По профессии тренер-преподаватель физической культуры и спорта. С 1970 г. проживает в Якутии, г. Нерюнгри. Заслуженный работник физической культуры и спорта РС (Якутия). Поэзией стал заниматься с 2000 г. За эти годы издал 12 сборников стихов и одну документально-публицистическую книгу.

С 2019 г. член Интернационального Союза писателей. В июне того же года стал лауреатом в номинации «Песенная поэзия» Первого Международного фестиваля имени А. С. Пушкина, учрежденного в честь 220-летия со дня рождения поэта, Крым, 2019 г. Награждён медалью «65 лет ИСП» и благодарностью Государственной Думы.

Детдомовцы блокадных лет

Нева уносит свои воды
В невидаль северных морей.
Забыты страшные невзгоды
Тех дней кровавых и ночей.

Всё меньше на земле живущих
Свидетелей блокадных лет,
Тяжёлый крест судьбы несущих
Омывших кровью своей крест.

Досталось им по полной схеме,

Кто был в блокадном том кольце,
Следы жестокой страшной смерти
У них остались на лице.

Налёты дерзкие, бомбёжки
Никто не мог предугадать,
Так привыкали понемножку,
Не знали, что откуда ждать.

Дорога их вела в подвалы
По десять, двадцать раз подряд.
И многие там оставались,
Не выходя уже назад.

Глоток воды с краюхой хлеба
На ужин, завтрак и обед,
Над головой не видя неба,
Лишь тусклый, полумрачный свет.

Их много в том подвале было,
До сотни маленьких детей,
А наверху снаряды выли,
Неся всё больше им смертей.

Детдомовцев везли к вокзалу,
Но начался вдруг артобстрел,
Со страху дети разбежались,
И то не все, а кто успел.

А многие лежать остались
В кровавых лужах на земле,
Одни ползти ещё пытались,
Другие корчились во мгле.

Прямой наводкой дальнобойных
Фашист прицельно бил в квадрат,
Земля стонала, было больно,
Уничтожалось всё подряд.

Взлетали в воздух лишь останки,
Всё разрывая на куски,
Из ног водителя портянки,
Сапог, разорванный в клочки.

Но вдруг, внезапно всё утихло.
Квадрат накрыла тишина,
И только стоны и плач тихий
Напоминали, что война.

Предстала жуткая картина:
Десятки мёртвых детских тел
Разбросаны вокруг машины,
А кто и дальше улетел.

И вдруг, из кучи выползая,
Девчушка лет пяти-шести,
Ручонкой глазки протирая,
Пыталась тщетно подвестись.

Другой ручонкой куклу ищет,
Ведь точно помнит, что была,
Не понимая то, что вышло,
Что чудом выползла сама.

А рядом мальчик плачет, стонет:
Осколком ранило в живот.
И он попить водички просит,
Хотя бы маленький глоток.

И девочка, собрав все силы,
К мальчишке быстро подползла,
Слезой платочек свой смочила,
К губам мальчонки поднесла.

Затем сняла у платья пояс,
От блузочки сорвав клочок,
Перевязала рану вскоре,
Остановив крови поток.

Затем расплакались по-детски,
Не вытирая мокрых слёз,
Мальчишка Костя и с ним Светка
Расплакались тогда всерьёз.

Их подобрали санитары,
Отправив быстро в лазарет,
Спасли из многих эту пару

Детдомовцев блокадных лет.

Память не стареет

Всё забыто, мой друг,
Всё былём поросло,
Столько лет мы живём
Без атак и бомбёжек.
Отчего же тогда
Откликается вдруг
В твоём сердце, солдат,
Сорок первый тревожный?

Наливай, брат, вина
За погибших друзей,
Не вернувшихся ночью из боя,
Из атаки ночной,
С белорусских полей.
Их помянем, товарищи, стоя.

Мы сегодня в строю,
Слава Богу, судьбе,
Собрались как один
Под знамёна Победы.
Как весной в сорок пятом
На параде в Москве,
Разукрасим салютом

Московское небо.

Наливай, брат, вина
За друзей и подруг,
Не пришедших с последнего боя.
Их помянем, друзья,
И пусть грянет салют.
В честь погибших друзей выпьем стоя.

Память в наших сердцах
Не стареет, как мы,
Она помнит свист пуль,
Вой снарядов ревущих,
Она свято хранит
Боль забытой войны,
Боль погибших
И ныне живущих.

Наливай, брат, вина,
Наливай поскорей,
Всех погибших в бою мы помянем.
Если скажет страна,
Соберём всех друзей,
На защиту границ её встанем.

Иван Митряйкин



Иван Павлович Митряйкин родился 12 января 1978 г. Проживает в Республике Беларусь. Кандидат Интернациональ-

ного Союза писателей.

Публикации: сборники стихотворений «Формула Осени», (2018), издательство «Союз писателей»; «Авторы XXI века», (2018), издательство «Десятая муза»; коллективный сборник поэзии «Бессмертное настоящее», Брянск, «Строфа»; альманах поэзии «Выстоять», Смоленск, «Строфа»; сборник номинантов национальной литературной премии «Поэт года», издательство РСР. В июле 2020 г. в серии «Озарение» Интернационального Союза писателей выпустил книгу стихотворений «Острые грани». В августе 2020 г. в издательстве Eksto Digital вышел первый роман в жанре мистики и фантастики «Поцелуй Ехидны».

Накатим по маленькой

На, держи фляжку, накатим по маленькой.
Вечер сырой.
Посидим, вспомним забытую маменьку,
Сына с женой.

Ты чуешь, затишье как перед бурей?
Атака вот-вот.
Мы в этот раз с тобой смерть обманули,
Но она ждёт.

Не лей ты так много, так, самую малость,

Мне и себе.

Давай за все время, что нам осталось

В вечной войне.

Все будет лишь так и никак не иначе.

Всему свой черёд.

Нет, не заплачу. Давай за удачу!

А там – как пойдёт.

Ждать утра долго. По самую кромку.

И, может, пойму,

Зачем же мы вечно воюем так громко

За тишину...

2018

В переходе играл музыкант

В переходе играл музыкант,

С ним девчонка – второю гитарой.

И свой голос, свой юный талант

Раздавали прохожим задаром.

Прислонившись к холодной стене,

Я стоял не дыша, и как будто

Эти песни будили во мне

Пережитые в прошлом минуты.

Только что это было «Кино»,
Его тембр и ритм все узнают.
Вот сейчас было искажено –
Башлачёв, а ведь не забывают.

За спиной шумел Невский проспект,
Мне играли «Пикник» и «Алиса».
Вот БГ, «Кукрыниксы», «Секрет»
И Шевчук с той Весной, что Актриса.

На поребрик присев (не бордюру),
Жадно воздух балтийский вдыхая,
Слушал, как надывается Шнур,
По привычке ему подпевая.

Я порылся в карманах пальто.
Возьми денег, мой брат, в старой куртке...
Я спускался в Нью-Йорке в метро,
А попал на концерт в Петербурге...

2018

Детский сон

Старый сон, простые строки.
Детский сон, простой, про небо.
Там по небу летит сокол,
А зимою – хлопья снега.

И не сыплют сверху бомбы,
В небо не плюют зенитки.
Гром бывает, но негромко,
Облака фатой-накидкой.

Не живёт никто на небе.
Крест, звезда и полумесяц
Оказались просто небыль.
Вечный спор – неинтересен.

Не летят парашютисты,
И нет дыма от покрышек.
Только дождик, крупный, чистый,
Городские моет крыши.

2019

Илья Морозов



Илья Морозов родился на Донбассе, в городке Старобельске, послужившем для Ильфа и Петрова прототипом горо-

да Старгорода, в который со стороны деревни Чмаровка вошёл Остап Бендер... В этом утопающем в зелени городке на живописной реке Айдар прошли детство и отрочество будущего поэта. Здесь же он на всю жизнь полюбил скрипку и впервые влюбился...

Луганское музучилище, философский факультет Киевского госуниверситета, почётные дипломы, звания лауреата, многочисленные издания книг в Украине и России, перевод произведений на иностранные языки, членство в союзах писателей, наградные медали на поэтическом поприще – всё это явилось следствием творческого пути в мир прекрасного, на который сподвигла юного романтика плачущая скрипка...

Здравствуй, утро!

Здравствуй, утро, залитое солнцем!
Птичьим хором сна лишив меня,
Ты пробилось свежестью в оконце,
Пригласив на светлый праздник дня.

Я на время все забыл проблемы,
Упиваясь прелестью земной,
И... отверг навязанные схемы
Бесконечной эгосуетой.

Оценил я Господа творенье –
Бескорыстно чудо-благодать!
И навек почувствовал презренье
К существам, способным только брать.

О точке...

Я ненавижу с детства точку:
Она – мистерия конца!
Она мертвит живую строчку,
Страшит и старца, и юнца!

Она не терпит восклицаний,
Её не радует «вопрос» –
Ей в тягость возгласы признаний,
Философический курьёз...

Пред многоточием склоняюсь:
Оно влечёт в безбрежный мир,
Где блудный сын, греша и каясь,
Пронзает рифмами эфир.

Объяснение

Нет существа в подлунном мире

Тебя возвышенной, милей!
Все девы – древние кумиры –
Не стоят поступи твоей!

Ты – нежный ангел вдохновенья!
Ты – гимн любви! Ты – божество!
Я за одно с тобой мгновенье
Не пожалел бы ничего!..

И что б ни вторили сатиры
О женской сущности твоей,
Ты пробудила голос лиры
В душе измученной моей!

Весенняя пастораль

Туман над травой стелился,
Манила лесистая даль,
На пруд акварелью ложилась
Небес голубая вуаль.

Мы шли ароматною рощей,
Луч солнца сквозь кроны струил,
И я, захмелев от природы,
С тобой о любви говорил!..

И не было прожитых вёсен

В лихой веренице годов,
Я вновь был мальчишкой несносным,
Седых не имевшим оков.

И ты, подыграв моей страсти,
Забыв прописную мораль,
Вкушала запретное счастье!..
И пел соловей пастораль!

«**Душа моя родная...»**»

Душа моя родная,
Избранница моя!..
И гейша, и святая –
Мой праздник забытья!

С тобой сентябрь встречаю,
Фривольный стих творя,
На Небо уповаю –
Твой лик боготворя!

Животворный Пушкин

Прошли века. Поэт в столице:
Тверской бульвар у ног лежит!..

Его нетленные страницы
Всегда желанны и свежи!

К нему идут на поклоненье
В культурных центрах и в глуши!
Всяк русский видит в нём спасенье
От ностальгической души!

Его творенья окрыляют,
Приводят в трепетный восторг!
Когда мы с ним, мы забываем
Мир суеты и прочий вздор!..

Наш животворный, дивный Пушкин
В сердцах любовью воссиял!
Наш Пушкин – светоч славы русской,
Заветной лиры идеал!..

Ностальгия

Жил в Париже, гостил на Багамах,
Но не вытравил русскую хворь:
О России, которая в ранах,
Тосковал, проклиная юдоль.

Грезил прошлым... Минувшие годы
Разрушали Россию войной!

С ней прошёл через кровь и невзгоды
И во снах возвращался домой.

Отчий дом: свет из радужных окон,
Утопающий в зелени сад –
Ему виделся в вихре жестоком,
И не властен был гул канонад.

Вспоминались мосты разводные
В небесах над суровой Невой:
Там прошли годы детства лихие,
Там мужал подпоручик молодой.

И малиновый звон колокольный,
И Софии³ возвышенный свод,
И сияющий Питер колонный,
Терпеливый, душевный народ!

Первый бал, завершившийся вальсом, –
Он тогда был безусым юнцом, –
Созерцая кресты, аксельбанты,
Восхищался геройским отцом.

А потом по стопам его славным,
Огорчив свою кроткую мать,

³ София – Софийский собор в Киеве, памятник древнерусского зодчества, главное церковное и общественное здание Киевской Руси. Заложен в 1037 г. 5-нефный 13-купольный кирпично-каменный храм, в XI в. украшен величественными мозаиками и фресками.

Вдохновлённый царём православным,
За Отечество шёл воевать.

Провожали сестрёнка, рыдая,
На глазах постаревшая мать...
От невесты иконка простая
Не давала ему погибать!..

«Мясорубка» – изранен!.. В Европу!
По Парижу бродил как фантом...
Повстречал на чужбине сестрёнку –
Гимназисткой покинула дом.

Она долго «стелила постели»,
Ублажая вульгарную плоть,
Примелькались погоны, шинели...
А его, знать, послал сам Господь!

Как обнялись – всплакнув, задрожала,
Рассказала, как горько жилось!..
Он подметил: «Ты очень устала...
Как родные, что с ними стряслось?»

«Наш отец воевал за идею –
За Россию, Романовский Дом!
Пал в бою, погребён был по вере –
Долго мать тужила по нём!

Всё скорбела, тебя вспоминала,

До последней минуты ждала!
Но холера её доконала –
Так родимая и отошла...

Твоя ж горлица долго скучала,
Нелюдимою, гордой была,
Всё надеялась – весточку ждала,
Знать, любила, коль замуж не шла.

Потеряла родных, истошала,
К своей тётке на юг подалась...
На их поезд орава напала –
Там-то ниточка оборвалась:

Не смогла свои русые косы
От распутной толпы утаить!
Свои девичьи томные помыслы
Под фатой по любви воплотить...»

Истомилась... Вздохнув, закурила...
Он же горечь не мог превозмочь,
Ему мнилось: Россия молилась
И взывала, как скорбная дочь!

Обнажились вновь старые раны,
Вдруг повеяло с русских полей!
И... не впрок ему тёплые страны,
Синева экзотичных морей!..

Жил в Париже, кутил на Багамах,
Но не вытравил русскую хворь:
О России, которая в ранах,
Тосковал, проклиная юдоль.

О сынах своих помнит Россия –
Не один под берёзой лежит!..
Книга жизни – страницы святые –
Разве можно такое забыть?!

Гордо реют орлы на флагштоках,
Залпы памяти скорбно гремят!
И глаза новобранцев в пилотках,
Как у прадедов, верой горят!

Татьяна Павлоцкая



Татьяна Павлоцкая – поэт и психоаналитик, член Интернационального Союза писателей и Российского союза пи-

сателей.

В 2018 г. награждена Звездой «Наследие» III степени, учреждённой Российским союзом писателей, за вклад в развитие русской культуры и литературы.

Шёпот жизни

Когда ты станешь старше и мудрей,
Когда чужая боль покажется своею,
Уже не разбросать и не собрать камней,
А я от времени и боли почернею...

Я вспомню кошку у забытого окна
И улиц старых партизанское молчание,
Я шёпот жизни буду слушать дотемна
И поезда глухое гроыхание...

* * *

Я снова в размышлениях о жизни,
Ищу ответ на заданный вопрос,
А в голове моей... нет ценных мыслей,
Туманно всё, как метеопрогноз...

А ты другой

А ты совсем-совсем другой,
Загадочный... немного странный,
Какой-то свой и не чужой...
Нежданный... может быть, спонтанный...

Живёшь преданием дворов,
Кварталов призрачных и пыльных,
Забывтых сумрачных домов
И красотю плит могильных.

Тебе неважно, в чём одет,
Как тот поэт или художник...
Вся жизнь твоя – складной мольберт,
Цветок любимый – подорожник...

Я в скверах, в парках городских
Допью стакан вина сухого,
В районах старых заводских
Заполню время выходного.

Плывут по небу облака
В кварталах каменно-жантильных,
И львы красуются с моста
В толпе прохожих меркантильных.

В преддверии зимы

Я помню: были времена, мы ни о чём не думали,
А жизнь струилась как вода и не была угрюмою,
Искрился радугой на солнце снег бриллиантовый,
И был он раннею весною как фаянсовый.

И жизнь казалась в тот момент такую длиною,
А песни, спетые тогда... почти старинные.
Попутный ветер разогнал все тучи хмурые,
И листья кружатся в полёте, словно фурии.

А догонять вчерашний день уже не буду я,
В глуши лесной святой воды я выпью из ручья,
Ловлю мгновения весны в осенних лучиках,
Друзей всё меньше, всё одни попутчики...

Я посвящу тебе стихи зимой прохладною
И поделюсь с тобой одной конфетой мятною,
Потом бегом пойду на все четыре стороны,
А вслед за мной летит сова... и звуки города.

Весёлый человек

Весёлый человек из моих грёз,

Фантазий полный и проникновения,
Ты василёк из поля мне принёс
И майского тепла прикосновение...

Твоя душа свободна и легка,
Как летний тополиный пух в июне.
Я отыскать её, почувствовать смогла,
Как капельку росы на изумруде...

С тобою распускаются цветы,
А всё вокруг становится забавным,
И даже самые забытые мечты
Прожить возможно, как герой отважный...

Тебе скажу я нежно о любви,
Не зная, что ответишь мне на это...
В лесу услышу гулкий крик совы,
И вдруг покажется, как будто вечно лето...

В парке у реки

Я в парке летом уток не кормила,
Я наблюдала за течением реки,
Из мыслей что-то я тогда лепила,
А ты держал меня за руку по-мужски...

Ты улыбался мне и радовался встрече,

Во взгляде я читала доброту,
А день мерещился каким-то бесконечным,
И говорили мы с тобой начистоту...

Таких, как ты, как будто не бывает:
С открытой нежностью и силою внутри...
И руки твои крепко обнимают,
Как будто на соревнованиях гран-при...

Ты был тогда какой-то настоящий.
Как вся природа в парке у реки,
И нет дороже и теплей объятий,
Что на всю жизнь мне подарил однажды ты...

Перчатка

Не поднимайте брошенной перчатки,
Забудьте путь туда, где вас не ждут.
Отсутствует любовь в душе у психопатки,
Пусть вместо вас другого предпочтут.

Людей исправить просто невозможно,
Такая есть особенность у них,
И если вам сейчас в душе тревожно,
То пусть пройдётесь лесом ваш жених.

Эксперименты в этом деле плохи,

И гений парадоксов нам не друг.
Достоинства и чести – нет эпохи,
И лучше покурите за углом бамбук.

Любовь Пивник



Любовь Пивник (настоящая фамилия – Мослей) – поэтесса и прозаик, проживает в Атланте, США.

Родилась в Украине, в Хмельницкой области, в большой дружной семье, где царили любовь и доброта.

Там же окончила школу, затем училась в Николаевском кооперативном техникуме, после окончания которого работала бухгалтером и долгие годы главным ревизором Николаевского облпотребсоюза.

После окончания колледжа MLS (Атланта, США) работает агентом по недвижимости в американской компании Coldwell Banker и продолжает творческую деятельность.

Является членом Интернационального Союза писателей и Союза писателей Северной Америки.

Женитьба болотлена

Глава 1

С небесной утренней зарёй
Проснулось солнце над землёй.
Зевнув сладенько, прикольно,
Улыбнулось ей довольно.

Сразу занялось делами:
Побежало к ней лучами,

Проходило везде смело,
Теплом нежно её грело.

Но, как только гор коснулось,
Задрожало, встрепенулось,
Светить ярко перестало
И лучи с земли убрало.

Среди зелёных морских гор,
Где рос густой сосновый бор,
Где гадюк было немало,
Болотлена увидало.

Натворив беды на свете,
В золотой своей карете
С болотленцами своими
Царь дорогами лесными

Возвращался в дом-пещеру,
Что была большой не в меру.
Прибыв к дому дорогомому,
К богатейшему, родному,

Впервые в жизни загрустил:
Стал белый свет ему не мил.
Напролёт ночами, днями
О Теклюне мысли сами

Лезли в голову неожиданно:

Царь влюбился, как ни странно,
Терзался сердцем и страдал,
От любви бешеной сгорал.

Узнал: царевна есть она
И дочь Пореева одна.
Бьют ей люди все поклоны –
Для царя годится в жёны.

Будет славною женою,
Красотою неземною
Сверкать будет на болоте
В серебре и позолоте.

Считал, что влюбится она, –
Всё потому, что он сполна
Имел разного богатства –
В нём тонуло его царство.

Купить, он думал, может всех
И что женитьба без помех
Состоится очень скоро,
Без скандала и разбора,

Когда расскажет о своём
Богатстве чудном, неземном.
Когда решил жениться он,
Ему стал сниться странный сон:

Теклюм ветром уносило,
Улыбалась она мило,
Вдаль смотрела на кого-то –
Видно, нравился ей кто-то.

Ревнивым стал вдруг Болотлен,
И на второй воскресный день
Приступил он тут же к делу –
Приказал свою пещеру

Болотленцам перестроить:
Под жильё благоустроить
Верхний ярус за неделю.
Было главной его целью

Апартаменты для жены,
Что так значительно важны,
На верхнем ярусе разбить,
Лучами солнца осветить.

Терзался, дольше ждать не мог,
От нетерпенья сбился с ног,
Всем указания давал.
И главным было сделать зал:

В нём отдыхать будет с женой,
Гостей встречать весной, зимой.
Не закончилась суббота –
Кипеть начала работа:

Убирали переходы
И ненужные проходы.
Мышей летучих, комаров,
Что жили там спокон веков,

Выгоняли на болото –
Болотлену для отчёта
Писали в списке, сколько их
В пещере было колдовских.

Убирали паутину,
Клади всю её в корзину.
Изгнали чёрных пауков
И, чистя снизу до верхов,

Полировали стены все,
Чтобы во всей своей красе
Их прожилки золотые
Ярко вспыхнули впервые

И так же все из серебра
Сияли с раннего утра.
В больших залах, малых сенях
Пробивали окна в стенах,

Чтоб сталактиты с потолков,
Как солнце из-под облаков,
Свет из окон отражали

И по залам разливали.

Как только яркой чистотой
И обстановкой дорогой
Заблестела вся пещера,
Рыком страшным, как у зверя,

Болотлен раздал приказы:
Прятать золото, алмазы,

Собираться понемногу,
Отправляться в путь-дорогу,
Бочки грязною водою
Наполнять и брать с собою

Глава 2

Медведей ведьма, своих слуг,
Подушкой била – летел пух,
После скучного скандала
Она дома тосковала.

Полетела к Болотлену,
Вдруг учуяла измену,
Закричала во всю силу:
«Скоро я сойду в могилу!

Дома слуги донимают –
Тут друзья с метлой встречаются.
Куда же, милый ты царёк,
Собрался ехать? Мол, зверёк,

Сопишь, ходишь всё кругами,
Словно стали мы врагами.
Глаза не пялишь на меня!
В мозгах твоих что за дурня?»

Не сдержался царь болотный,
Лоб рукою вытер потный,
Признался ей в своей любви:
«Ты, ведьма, тут себе живи,

А я еду за царевной,
Что здесь станет королевной.
Горю я по ней часами,
Не сплю днями и ночами.

Случись какая тут беда,
Но привезу её сюда,
Помешать никто не сможет.
Кто нагадит – кости сложит!»

Василий Попов



Василий Попов пишет мистические произведения около

десятка лет. Герои его книг – порою обычные люди, сталкивающиеся в реальной жизни с представителями потустороннего. Это ангелы и демоны...

Вампиры, черти, ведьмы, каннибалы и прочая нечисть вторгаются в повседневность сюжетов. Неприкаянные души, призраки становятся неотъемлемой частью жизни героев, часть из которых, по замыслу автора, переходит за грань потустороннего и человеческого, очень часто не теряя своей сущности и души или, наоборот, легко расставаясь со своими бесценными частицами человеческого бытия.

Демон любви

Кто знает, любил ли дьявол
Или был любим когда-нибудь.
Кто знает, как он мог любить,
И если был любим, то как,
Насколько, да и кем вообще?..
Для этого и приговорён –
Быть ненавидим всеми,
Вызывать страх, ужас и отвращение.
Вот смысл отречения –
Парить в низах и править там же,
Не смея голову поднять...
Наделён предназначеньем –
Жить вечно не с пламенной любовью в сердце,
А в адском пламени терпеть мучения.

* * *

Быть чьим-то ангелом, спасать и охранять,
На путь разумный наставлять,
Подопечного своего лелеять и любить,
Душу ту неокрепшую хранить...
Чего же не хватало Утренней звезде?
Плохого так не нарекут,
А может, как раз её и не хватало?
Чувства, из-за которого рожают,
Ради которого умирают,
Которого и из-за которого
Годами, жизнями... веками ждут.
Может, не хватало материнской,
Сестринской и братской, а главное, отцовской,
Ведь если б был любим, то был бы и прощён...
Но, к сожалению, был приговорён...
Что искал в падении ангел,
Может быть, её – любовь?
Или, поднявшись после падения,
Ввысь устремиться вновь?
Ведь «кто не падал, тот не поднимался»,
Гласит народная молва,
А кто в небесах остался
И падения не испытал,

Не смогут подтвердить и опровергнуть те слова...
Может, тем он и уникален,
Что предпринял этот шаг,
Но подняться ведь не дали,
Даря вечность на низах...

* * *

Кто теперь его полюбит?
Только неприязнь к нему,
Может, только тот, кто обречён
На такую ж нелюбовь?
Ты?! Ты такая с виду – ангел, взором и лицом,
Дышишь морфием и коньяком...
Без изъянов: что одета, что нагая,
Но дика нравом, дерзка и злая языком...
Вызываешь лишь желанье,
Не воспалив любви ни в ком.
Может, ты его полюбишь?!
За смелость и за силу,
За непослушание, за бунт,
За близость и противоположность Богу...
За неординарность,
За вседозволенность во всём...
За несметную коллекцию пороков и грехов,
За прикосновение к запретному,

За легитимный душ отъём?..

* * *

Ты его полюбишь дьявольской любовью,
Вспыхнув в чувстве так, как пылает ад,
Познаешь неизведанное,
Тактильно ощутишь касание призрачных теней,
Осознанно побудешь в запредельном,
При жизни поймёшь безжизненное и возвращение к ней,
Побудешь душой вне тела и телом без неё,
Перейдёшь все грани, коснёшься точек невозврата,
Расширишь горизонты в понятиях порока и разврата...
Познаешь мир, пугая цербера, ногою распахнув ворота ада.

* * *

Может, только в любви с тобой
Поднявшись, дьявол вновь коснётся неба,
Пусть грозового, тёмного, без звёзд, луны
И остальных планет,
Пусть созданного тобою, но все же – неба,
Без ангелов и остальных, почувствует себя недолго богом

И, разочаровавшись снова, уже с тобой сорвётся вниз.
Как две звезды, горящие в любви, падёте вы,
Падением своим очаруете поэтов,
Музыкантов, живописцев, гениев и мастеров...
При виде вас смертные свои желанья загадают,
Те, кто не дождался милости богов...
Падение сквозь неба черноту, разряды молний,
Под триумфальный марш и грозовой раскат,
Сверху – с мнимых, адом созданных небес,
По закону равновесия и дуализма,
Вас приведёт не в пламя ада, а к земле,
Так, словно злой дух ангелом воскрес.
Любовью пылкой и невинной вы задрезбите
В переборах струн арф и мандолины,
Проводите закаты, встретите рассветы,
В томных дыханиях и поцелуях будете согреты,
Познаете все прелести любви...
Возможно...

* * *

Но будет всё скорее иначе –
В падении воспылав чувством, не изведанным ещё,
Вы отдадитесь ему до полного распада,
Дойдёте от скромного греха до крайнего разврата,
И это отклонение ускорит ваше тление,

Сгорите в этой атмосфере до пепла, до праха,
Осыпаясь во чрево ада, где не спасёт
Ни исповедь, ни покаяние и ни плаха...
В любви сгореть до пепла – вот участь дьяволицы,
Коей тебя за связь, за близость нарекут,
Твой образ будут видеть в сполохах зарницы,
Твоим именем штормы, цунами иль тайфуны назовут
За силу, за страсть, за дьявольский огонь
Вашей необычной, но случившейся любви...

* * *

Или, может, ты, коснувшись запределья,
Всё увидев, осознав –
Что есть (?) любовь на самом деле, –
Есть добро и милосердие кроме всех причастий зла,
Ты изменишь то падение: павших звёзд, свечей
сотлевших,
Двух чёрных душ...
В новобрачном нетерпенье
Ты услышишь: «Ты – жена мне, я – твой муж».
По-обычному, земному тебя полюбит Он в ответ,
Укроет ангельской заботой, пухом белого крыла,
Вместе быть до гроба в апогее страсти даст обет
И прошепчет в просьбе тихо, дабы никто не слышал,
Чтоб ты сына родила...

Будет так или иначе?
Не узнать нам той любви конец,
Но ведь так и у всех простых, у смертных.
Просто сделай шаг судьбе навстречу,
Может, он есть самый прочный –
Из кругов ада скованный венец...

* * *

Кто знает, любил ли дьявол
И будет ли вообще любим?
Кто захочет с ним бок о бок тот путь пройти?
Кроткий или бесконечный, вероятно, обречённый –
В огне любви сгореть до праха.
Без романтики, без слов признаний,
Без уз брака и традиционного обряда,
Просто полюбить, чтобы в итоге осознанно стать частью
ада...
Ты готова?
Если да, то ты нам всё расскажешь, став лишь демоном
любви...

Людмила Руйе



Людмила Руйе родилась в рабочем посёлке Кубринске, что расположен на границе Ярославской и Московской областей,

вблизи Троице-Сергиевой лавры.

Публиковалась в альманахах: «Родники», «Юность», «Спутник», «Российский колокол», «Современникъ», сборниках: «Бессмертный полк», «Современники и классики».

Изданные книги: «Всё не так» (1996), «Луч звезды» (2015), «Москва – Париж» (2018), «Душа поэта» (2020).

Дипломы конкурсов: Московского, Лондонского, Астраханского, имени Ивана Бунина, имени Александра Блока, имени Михаила Лермонтова.

Награды: медали имени В. В. Хлебникова, А. С Пушкина и С А. Есенина.

Добро должно быть с любовью

Беззащитная душа мужская

Я, с пуританским воспитанием,
Сторонилась с презрением мужчин,
Их избегать с негодованием
Находила тысячу причин.

С ними говорить казалось стыдно,
Выучено было, как урок:
Их вниманье к девушке обидно,
Так как ими движет лишь порок.

Но однажды в середине лета,
Как-то, томик Бунина открыв,
У окна читала до рассвета,
Обо всём на свете позабыв.

И тут увидела, какая
От любви страдающая чувств,
Беззащитная душа мужская,
И мой мир без них уже был пуст.

Во мне открылось сострадание,
Не могла сплеча теперь рубить.
Так изменилось мироздание,
Что способность обрела любить.

Я видела, на что любовь похожа

Я видела, на что любовь похожа –
На яркий свет, сияющий из глаз.
Что чувствуешь при этом, знаю тоже, –
Как будто в водуходишь первый раз.

Пьянящий страх от сил своих незнания
Волной накроет или поплывёшь,
А также знаю, что в момент признания
Вдруг кажется, что вот сейчас умрёшь.

И воскресает лишь от поцелуя
В желанье страстном в небо воспарить
И всем богам запеть гимн «Аллилуйя»,
Сумевшим это чудо сотворить.

Я любить разучилась по-русски

Я любить разучилась по-русски,
Всё мне слышится нежно: «Je t'aime»,
Но падучей звезды всполох узкий
Зачеркнул наш с тобою Эдем.

Ты – моя невзлетевшая птица,
Всё в России хотел побывать.
Это ж надо французом родиться,
Чтобы так о Руси тосковать.

Теперь видишь из выси небесной,
Как по Москве иду я, скорбя,
Средь веселья кажусь неуместной
И живу, никого не любя.

Ночью к яркой звезде обращаюсь,
Чтоб найти на вопросы ответ,
Словно с душою твоей общаюсь,
Шлешь из дальних галактик привет.

Вносишь покой в мою ты обитель,
Пред грядущим не страшно ничуть,
Если звёздным лучом небожитель
На планете освещает мне путь.

Доброта

Концерт на площади Республики
Летом в Париже ночном идёт,
При свечах горящих публики
Юный артист Сопрано поёт.

Парень пел, что лицо – это маска,
За которой не видим мы слёз,
Ровно в полночь смывается краска –
И кончается мир его грёз.

А мне вспомнился вдруг Арлекино,
Что печаль свою прятал за смех,
Франция, Россия, Аргентина –
Чувства одинаковы у всех.

Пугачёва и француз Сопрано
Просят нас друг к другу быть добрей,
Библии ученья и Корана
Из состраданья идут корней.

Говорил писатель Достоевский:
«Мир спасёт от краха красота»,
Только эти песни – довод веский,
Что спасти нас будет доброта.

Я пойду Марией Магдалиной

Гордый профиль склонён к фортепьяно,
Звуки-волны несут в водопад,
Мне и томно, и страшно, и пьяно,
Но нельзя возвратиться назад.

Поднимаюсь на гребне эмоций
И парю в высоте неземной.
Там вдруг мальчик крылатый и босый
Попадает мне в сердце стрелой.

После Шуберта, Баха и Листа,
Опускаясь на землю с небес,
Утонула в глазах пианиста:
То ли бог для меня он, то ль бес.

Стою, замерев в умилении,
Не готова к общению пока,
На него я смотрю в изумлении,
Так печаль его глаз велика.

Я пойду Марией Магдалиной
За тобой, любовь моя, мой бог!
Станет жизнь легендой и былиной,
А когда устанешь от дорог,

Я омою ноги, как в Писанье,
Мне простишь невольные грехи,
И прочту я на одном дыханье
Посвящённые тебе стихи.

Ольга Соколова



Ольга Соколова – литературный псевдоним Ольга Снежинская. Автор книг «Кошка Матрёшка», «Брусники руби-

новой бисер» и других. Награждена медалью Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (Тюмень), а также медалью «Владимир Маяковский – 125 лет», медалью имени Велимира Хлебникова, Благодарностью Государственной Думы РФ за активное участие в литературном процессе России, множественными общественными наградами ИСП, медалью «Сергей Есенин – 125 лет», вручаемой за вклад в развитие русской литературы.

Член ИСП, Российского союза писателей, Союза писателей Республики Крым.

Твоя любовь, похожая на лето

Твоя любовь, похожая на лето,
То жаркая, как зной,
То так прохладна,
Словно дождь июньский проливной

Прошёл, отмеченный грозой.
Ты напугал меня, но извинился.
Фиалки с новой силой зацвели,
Ты в этот день влюбился.

«Помнишь, с поляны травной мы унесли
Не всю нашу любовь,
Оставили кому-то собранный букет цветов»,
Твоя любовь, похожая на лето.

И зимним вечером,
Когда тебя со мною нет,
Я собираю час за часиком,
Как те цветы в букет.

Парила пашня, умытая на счастье

В бору нас дождь застал грибной.
Светило солнце, а он стеной
Встал между нами третьим лишним.
Хотела дотянуться до любимого рукой –
Блеснула молния, и громыхнул Всевышний.
До нитки дождь нас промочил назло,
Столкнул в траву грибов ведро.
Вдруг стихло всё, как в сказке страшной.
Парила пашня, умытая на счастье.

Лебедь белая

Взгляд праведный, лукавый
Поймала на себе
И, словно лебедь белая,
Купалась в той беде.
И сколько в этой осени

Праздников, смертей –
Лист, бережно оторванный,
Валяется в воде.
Увы, поэт, увы,
Нужна любовь тебе –
С разлуками безумными,
Что мраморный ледник,
То как пожар рябиновый,
При встрече вся горишь –
С упрёками жестокими,
Страшней небесных сил –
Но как я позабуду
В его глазах огонь,
Что сердцу так он мил...

Ласковый меня согреет май

Когда вы близко, я – далеко,
Всё кажется случайно, невзначай –
Всё на бегу, да и пускай.
Хочу сказать, да вот молчу,
То смех уносит в высоту.
Ласковый меня согреет май
И напугает первый гром.
«Друг мой», ну а потом
Пройдёт, наверное, сто лет,
А я такой же робкою останусь.

Наговорю всё плохо про себя.
Читающий стихи поселится поэт –
На странице моего листа.
А он поэт, до неприличия слова.
Я не такая, нет,
Его не знаю, это ж Интернет,
Бог с ним – так охраняет мой покой.
Да, кто-то скажет: «Хороша»,
Что я такая же, как он.
Я не расстроюсь, улыбнусь.
Я солнцу руку протяну
И в май далёкий убегу.
Там нет ни фальши, ни обмана,
Там яд не подают в бокале,
Там птицы вольные поют,
Не окольцованные грустью.

У джиннов сердца не бывает

Устала ждать, уже не жду.
В холодном мраке тишина
Нас разделила пополам,
Тебя оставила другим.
Остался, оставайся там один,
Храни себя, как джинн.
У джиннов сердца не бывает,
Всегда об этом забываю,

В любых мирах они живут и привыкают.
Привычка – это дело наживное,
И поздним вечером порою
Я снова подхожу к окну
И долго-долго тебя жду.
Наверно, дочь тебе поведаст о том,
Как перед сном
Шла дверь открыть с крючка,
Потом лениво шла,
Смирная гнев,
В объятия свежие постели,
И лишь сорочка кружевная
Нервно билась о мои колени.

А мы не тратили свечи

Гасили в доме свет,
А мы не тратили свечи,
Слушала влюблённых голоса
За окошком тихая река.
Гасили в доме свет,
А мы не тратили свечи,
Но это вовсе не беда,
Но это вовсе не нужда,
Это так судьбою велено,
От смелого добра
Фиалка под окном

Ночная расцвела.
Скрипнула ставенка старая,
Это так судьбой велено,
Народившаяся яркая звезда
Вдруг осветила отчий дом –
Крепкий сон – отчий дом,
Счастье в нём не кончается.
Счастье – отчий дом –
С каждым днём продолжается.

Тёплый ветер

Петух, от весны очумелый,
По ночам будит нас хриплым пением,
И ветер гуляет по крыше,
Ставней в окошко стучится чуть слышно.

А утром двери порывом открыл настежь,
Не хотела, да сказала: «Здравствуй!»
Сквозняком промчался по дому,
Успел в прихожей отклеить обои

И раскинул веером лёгкие шторы.
С крыльца упал, да вот
Прозрачных сосулечок толкнул хоромов,
Приутих у железных ворот.

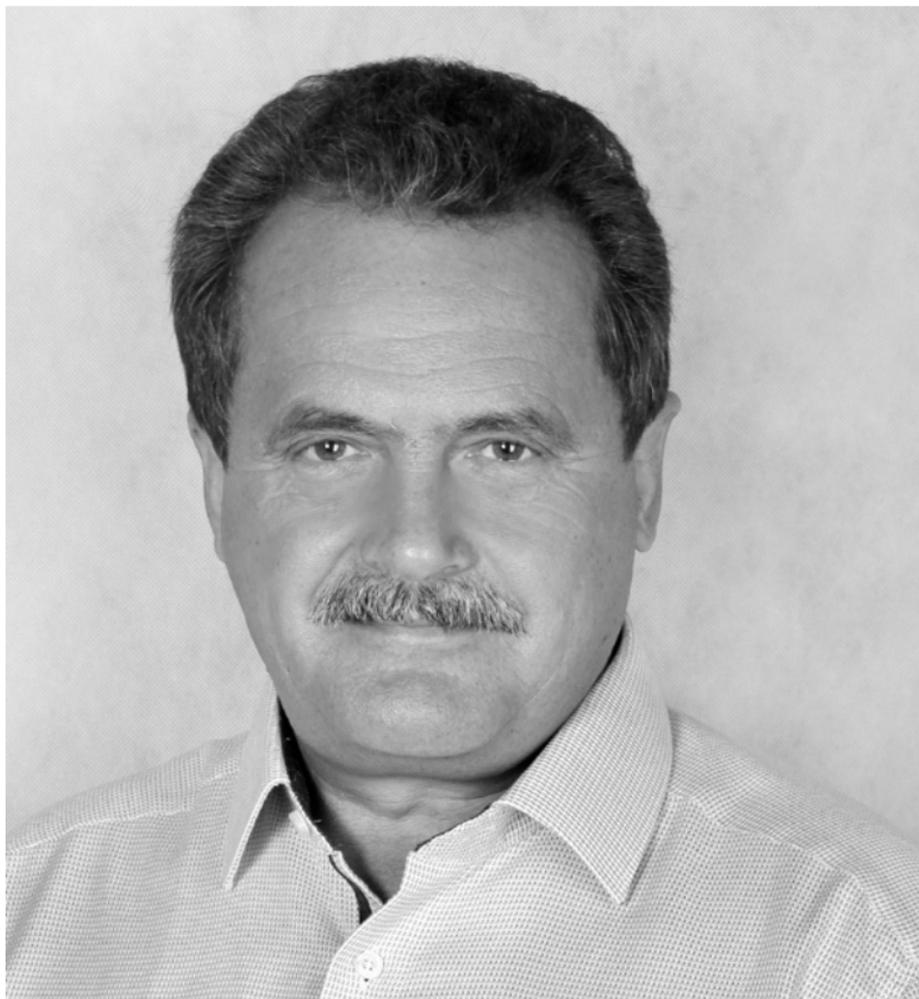
Хуторок

Родины начало –
Хутор, хуторок.
И два дома
Окнами напротив
Смотрят в огород,
Там сирень кругом
И крапива зеленеет
Молодым кустом.
Тишина, и милее
Нет той тишины.
Слышно, как ручей
Говорит со мной.
Он берёт начало
Из земли сырой.
Здесь его прозвали
Ключиком, ключом.
Не закрыты ставни,
Не закрыт и дом.
Кто же здесь хозяин?
Так оставил дом.
Словно сказка воротилась,
Миру – мир нужней.
Вот с таким концом.

Март

Уж март вернулся снова!
Волшебный мир снегов
Поспешно снял корону,
И, полон грусти, ветер стих,
Услышав голос ручейка.
Радостью моя наполнилась душа,
Вернулся март – пришла весна,
И старый бор помолодел
И пуще прежнего зазеленел!

Алексей Хазанский



Алексей Хазанский живет в г. Туле.

Финалист национальных литературных премий: «Поэт

года – 2015», «Наследие-2019» в номинации «Поэзия», «Писатель года – 2019», организованных Российским союзом писателей. В 2019 г. стал лауреатом Первого международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина, организованного Интернациональным Союзом писателей. Финалист Московской литературной премии – 2019 в номинации «Поэзия». В 2020 г. – лауреат Международного литературного конкурса им. А. А. Грина в номинации «Поэзия».

С 2014 г. член Российского союза писателей, с 2020 г. – член Интернационального Союза писателей.

Твои прикосновения

Как много было долгих зим и весен,
Тобой однажды преданных забвенью.
Сегодня за окном рыдает осень,
В день памяти Твоих прикосновений.

А я себя теряю между снами,
Тревога – вечный спутник пробужденья.
Душа под звук дождя саднит словами –
Сюжетом о Твоих прикосновеньях.

В нем истина осеннею тоскою,
Порывом ветра и листвы круженьем:
Прошло «сто» лет, но болен я Тобою –
Храню ожог Твоих прикосновений.

Эпицентр

Разодраны в кровь посиневшие пальцы,
Но силы все меньше держать тетиву.
Один только миг – и безумным скитальцем
Умчится стрела мстить за злую молву.

Душа на разрыв, лишь мгновенье до цели,
А там, за чертою, отчаянья плен.
Опять в эпицентре нелепой дуэли,
В которой финал не сулит перемен.

Натянуты нервы тугой тетивой,
Пусть разум признал поражение в борьбе.
Взрывается сердце летящей стрелою,
И точка поставлена в чьей-то судьбе.

Мне нравится смотреть в твои глаза

Мне нравится смотреть в твои глаза
За миг до шага в пропасть дня земного.
Любви испить живительный бальзам,
Что лечит от ранения любого.

Рутина дней бессильна пред тобой,
Тебе покорны бурь моих терзанья.
Где ты, там только радость и покой
С налетом легким новых расставаний.

В безумном мире грез моих и снов
Ты – миг любви, подаренный однажды.
Неважно, сколько нам их суждено,
Но благодарен Небу я за каждый.

Время

Плетет мгновений кружева
Неутомимый мастер – Время.
Сюжеты крошатся в слова,
Слагая прошлого поэмы.

В них ожиданий чьи-то сны,
Тревогой – тени расставаний,
Полет в предчувствии весны
И бунт несбывшихся желаний.

У Времени поблажек нет –
Возврат к истокам невозможен.
Чем дольше тянется сюжет,
Тем для кого-то он дороже.

Листая грустные страницы

Как неизбежность Перекресток,
Душа тревогою полна.
Счастливой быть в пути непросто,
А потому – всегда одна.

Нет средства от душевной боли,
Иссяк терпения родник.
Нельзя играть чужие роли,
Себя теряя каждый миг.

Привычкой писаны картины
Унылых дней, фальшивых фраз.
В них поиск призрачной причины,
Что нелюбовь – в последний раз.

Но все же теплится надежда
За перекрестком встретить Свет,
Найти потерянную Нежность
И возродиться ей в ответ.

Он не был ни рабом, ни бунтарем

Он не был ни рабом, ни бунтарем,

Свободы вкус деля с любовью к миру.
Он эту жизнь читал со словарем
И точно знал пути ориентиры.

А годы шли, слагая свой роман,
В течение дней вплетая неудачи.
И множились его судьбы тома,
Не делая ни лучше, ни богаче.

История, подобная другим,
В ней всякого хватало, как у многих.
Надежд былых давно растаял дым,
Оставив только тяжесть от дороги.

Бываю несносен порою

Бываю несносен порою
В финале безумного дня.
Но знаю: ты двери откроешь
И примешь любого меня.

Потрепан в боях за идею,
С расшатанной верой в людей,
Я даже представить не смею,
Как жить без заботы твоей.

Неважно, покой или буря,

Мы вместе встречаем зарю.
Готов я на битву любую,
Чтоб только услышать «люблю».

Граница

Мы однажды шагнули в Вечность,
Разделив мир любви границей,
За которой наша беспечность
И все то, что нам будет сниться.

Мы, подаренные друг другу,
Бескорыстно и беззаветно
Шли когда-то по жизни кругу,
Нарушая свои обеты.

А теперь, у черты забвенья,
Предъявляем счета за счастье
И пытаемся откровенно
Доказать свою непричастность.

В этой пытке любовь – заложник,
Умирает с мгновеньем каждым.
А разрушить границу сложно –
В одну реку не входят дважды.

Шторм

Суденышко болтает в бурном море.
Штормит нещадно. До небес волна.
Жестокою бедой бурлят просторы,
Чтоб кто-то смог познать ее сполна.

Казалось бы, нет шанса на спасенье,
Давно надежды канули во тьму.
Ни знания, ни чьи-то убежденья
Не помогают больше никому.

Безумный мир необратимо болен.
Штормящий хаос – праздником невежд.
Удел для слабых – сломленная воля
И тяжкий груз запачканных одежд.

А для кого-то – призрачное счастье
Нести добро назло лихим ветрам,
Пусть беды ныне рвут его на части,
Но... курс один – к заветным берегам.

Виктор Чекмарь



Виктор Чекмарь (настоящее имя – Александр Зиновьев) – автор двух книг: «По святым местам» и «Я ни о чём не жа-

лею...». Родился в средней полосе России, а жил и на Кольском полуострове, и в Норильске, и в Якутии, и на Чукотке, и на побережье Каспийского моря.

Учился в Новосибирске, был студентом и стройотрядовцем, солдатом и водолазом, работал грузчиком, путейцем, кочегаром, забойщиком, слесарем, мастером ОТК, учителем и юристом. Испробовал романтики Севера, зарабатывал большие деньги, замерзал в шестидесятиградусные морозы и плавился в тридцатипятиградусную жару.

Считает себя счастливым человеком, потому что Господь позволил ему жить так, как он хочет.

Влюблённый в Север человек

Норильск, Якутия, Певек,
А первым – Кольский полуостров.
Расстаться с Севером непросто,
Он притянул меня навек.

Где б ни был я: в родном краю,
В столице, в снежном Казахстане,
На юге, в море-океане,
На Каспии, в земном раю,

На Красном море, где растёт
Всё буйным цветом круглый год,
Куда так тянется народ, –

Всё не по мне, мне грудь неймёт...

Мне сопки грезятся в снегу,
Смешные милые евражки,
Полынь и белые ромашки,
И тундра, и поход в тайгу,

Морозы, злой колючий снег
И хлад седого океана,
Лай-клёкот наглого баклана,
Стремительных потоки рек.

Норильск, Якутия, Певек.
Я уезжал. Я возвращался
И будто заново рождался –
Влюблённый в Север человек.

08.04.2006

Михаил Чикин



Михаил Чикин родился 22 ноября 1947 г. Образование высшее. Кандидат социологических наук. Полковник в от-

ставке. Член Интернационального Союза писателей. Поэзией увлёкся в юности. Публикуется на сайте «Стихи.ру». Автор стихов, песен, басен, сказок, поэм на разные темы. В 2019 г. издан сборник стихов «Превратности судьбы» в серии «Лондонская премия представляет писателя». Опубликовано в альманахах «Российский колокол» № 4, 2019 г., «Современникъ» № 14 (13), 2020 г. и «Книге Памяти».

Участник финальной сессии Лондонской премии «ВИП» и 33-й ММКВЯ. Награждён Благодарственным письмом ИСП и юбилейной медалью «140 лет со дня рождения А. Грина». Готовит к выпуску новый поэтический сборник. Проживает в г. Орле.

Рябиновый романс

Вся в огне сверкающих рубинов,
Средь притихших клёнов и берёз,
На поляне красная рябина
Размечталась, словно в волнах грёз.

Ничего рябины нет нарядней
И красивее её вокруг,
И убор богатый и парадный
Выделяет среди всех подруг.

Притаились липы и берёзы,

Тихо ели с соснами стоят,
Осыпая с мокрых веток слёзы,
О красе рябины говорят.

Ей одной сейчас краса досталась,
И все взоры только на неё,
Даже грусть – осенняя усталость –
Нежной песней в ягодах поёт

О любви к молоденькому клёну
И о чёрной зависти подруг,
Холодом осенним оголённых,
О любви её шумящих вслух.

Что она, бесстыжая такая,
Отняла красавца жениха
И теперь, нарядами сверкая,
Довела подружек до греха.

Вот они стоят все оголившись,
Без одежд, притихли там кругом,
А она, в рубины нарядившись,
Вся горит в наряде дорогом.

И берёзки шепчут липам злобно,
Что рябине это не простят,
А весной, порой для них удобной,
Той рябине тоже отомстят.

В осеннем лесу

Охмелев от красоты осенней,
Я по лесу сонному бреду
Медленной своей походкой, с ленью,
Слушая песнь леса на ходу.

Про берёзы, ясени и клёны,
Про багряный пышный их наряд
И про лес осенний, опалённый
Мне напевно, тихо говорят.

Говорят о том, что опадает
Пышный разноцветный их убор,
И о том, что день заметно тает,
Что зима спешит во весь опор,

Что придёт холодная, завалит
Лес колючим снегом, заметёт,
Снежную кутью из льдинок сварит,
В бурелом морозный заведёт.

Я обнял ствол плачущей берёзы
И погладил ласково рукой,
Ощувив, как выступили слёзы
На стволе, небритую щекой.

Прошептал: – Не плачь, моя родная,
За зиму вновь придёт весна,
И когда наступит время мая,
Ты проснёшься соком ото сна.

Ты опять распустишь ветви-косы,
Вновь наденешь пышный свой наряд,
Вновь тебя умоют утром росы,
Всё как раньше, много лет подряд.

Упоённый красотой осенней,
Я из леса сонного уйду,
А когда вернусь порой весенней,
Ту берёзу-девушку найду.

Женщинам

Вы – женщина! Как много в этом слове:
Любимая, жена, мать, дочь, сестра.
И в них во всех любовь лежит в основе,
А эта истина, как жизнь, проста.

Без вас пустою стала бы планета,
Без вас не нужны стали бы цветы,
Без вас бы не пришли весна и лето,
Без вас бы родники были пусты.

Вы – наша радость в жизни, вдохновенье,
Вы – день сегодняшний и в завтра путь,
Вы – жизни торжество, её творенье,
Вы – бытия и жизни нашей суть.

Песнь орлу

На берегу родной реки Оки,
На мощном дубе, свил гнездо орёл,
И там родился город у реки
С таким же гордым именем – Орёл.

Как и орёл, он зорко охранял
Родной земли российской рубежи,
Врагов с земли орловской изгонял,
Предотвращал набеги, грабежи.

Так и стоит он множество веков:
Велик, могуч, отважен и красив,
Не снёс фашистских, вражеских оков –
Был враг разбит, коварен и спесив.

Дугой Орловской был фашизм согнут,
С тех пор бежал зверь в логово своё.
Здесь, на земле орловской, порван кнут,
Чем сёк фашизм Отечество моё.

Живёт здесь гордый патриот-народ,
Как и орёл, он горд и щедр душой.
Передаётся здесь из рода в род
Орловский дух, как и орёл, большой.

Российский герб украсился орлом,
Он – символ силы множество годов.
Сильна Россия также и Орлом,
Одним из русских славных городов.

Живи, Орёл, расти и расцветай,
Собой Россию-Родину храни.
Силён коль будет наш орловский край,
То и Россия силу сохранит.

Люблю я Русь

Люблю я Русь великую, родную,
С победами и бедами её,
Здоровую, больную иль шальную,
Люблю я Русь, Отечество моё.

Люблю её огромные просторы
От Балтики и до седых Курил,
Бескрайние поля, леса и горы,
Где мой народ Россию сотворил.

Люблю её рассветы и закаты,
Люблю смотреть на хоровод берёз,
Ту речку, где купался я когда-то,
И в снеге ель в трескучий наш мороз.

Люблю народ российский, душой щедрый,
Познавший много горя и беды,
Но в дружбе и товариществе верный,
Как повелось ещё с веков седых.

Люблю я русских матерей за веру,
Которой наделяют сыновей.
Люблю отцов, что служат нам примером
Любви к России, Родине своей.

Люблю я Русь великую, родную,
С победами и бедами её,
Здоровую, больную иль шальную.
Люблю я Русь, Отечество моё.

Елена Щербакова



Елена Евгеньевна Щербакова родилась 17 января 1972 г. в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М.

Горького. Член Академии российской литературы, ЛИТО «Друза», МГО Союза писателей России, Союза независимых авторов и издателей, Независимого литературного агентства «Московский Парнас», кандидат Интернационального Союза писателей.

Автор 50 книг, печаталась в ряде международных и все-российских альманахов, журналов и газет.

Лауреат и дипломант всероссийских и Международного конкурсов. Награждена девятью медалями.

Рождество в старой Москве

Белые церкви.
И ярусны своды.
Вспыхнет – померкнет
Блик с позолоты.

Снежно и девственно.
Чисто и нежно.
Чутко, торжественно,
Хрупко в надежде

Тайна легла
Заманчиво, скромно.
В мир повела
Строго и ровно.

В испанских ритмах

Зонт щелкнул, будто кастаньеты.
И я протиснулся в толпу.
Все это было прошлым летом
На белокаменном мосту.

В автобусе, как в галерее.
Все б ехать по дороге в жизнь.
А пассажирам, еле смея,
Сложился в окнах мир из виз.

Свою завесу время сменит.
Промокший высохнет портфель.
А зонтик в разноцветных звеньях
Не щелкнет уж, как в прошлый день.

Заплачет дождик в переулках,
В испанских ритмах отбивая такт.
А в городе, где вечно гулко,
Все те же ноты вновь на проводах.

* * *

Дом дышит незаметно. Только сами
Его мы сохраняем тихий сон.
Бабулька ветхая скрывает тайны.
И что-то сокровенно в том.

Я знаю: здесь огонь теплится
И накормить, и душу отогреть.
Но сердце – раненая птица –
Не может к свету полететь.

Но в каждом доме что-то бережется,
Спит в тихом свете из окна.
Все это миром в сердце отдается.
И блажь картины той мила.

Проза

Михаил Акимочкин



Михаил Геннадьевич Акимочкин родился 17 ноября 1986 г. в городе Фокино Брянской области. Рос в любящей семье. Ходил, как и все, в детский сад. Окончил 11 классов общеобразовательной школы. Поступил в ФИТ, на отделение «Правоведение и юриспруденция». И вроде бы ничем не отличался

от сверстников, но, как только научился писать, тетрадь и ручка стали его неотъемлемыми принадлежностью. Любил ходить один на природу, мечтал, писал свои первые рассказы. И вот мечты сбылись. В 2016 г. выпустил небольшим тиражом свою первую книгу «И. О. Б.». Печатался в «Автографе» (2018), напечатан в сборнике «Смысл жизни», получил медаль «За вклад в развитие русской литературы».

Папаша для демона

Мой приятель всегда любил подобные заморочки. Я никогда его не понимал. Но прикалываться он умел. И вот сидим мы на стадионе, смотрим на частный сектор. Ну, вы знаете, тот, что у окраины! Там еще трибуна, с которой все видно как на ладони. Дима говорит:

– Ты знаешь приколы про Свиридову Ирину? Черт! На том районе про нее ходят потрясающие слухи – что она ведьма, и прочая хрень, что у нее на заднем дворе сегодня будет какой-то костер.

Я спросил, откуда он знает. Он ответил, что проходил мимо и увидел, как она складывала костер и говорила с кем-то о том, что вечером все произойдет.

– Что произойдет? – спросил я.

– Ну, я не знаю. Я подумал, раз про нее ходят такие слухи... и тут такой шанс увидеть все самим. Так сказать, знать наверняка. Вот это было бы круто! Да?

Фишка в этом была, но своя. Я согласился на эту подставу. В нужное время мы сидели в кустарнике на ее земле. Там он достаточно густой. При необходимости можно было смяться в отверстие в заборе.

Там действительно был костер. И другие шесть человек. Это оказались родители моих одноклассников, отличников и вообще звезданутых людей. Они были какими-то сектантами, потому что говорили на странном языке. Они встали вокруг костра. Когда Ирина вышла с ребенком на руках, костер вспыхнул.

Меня пронзила жуткая мысль, когда она подняла его над костром. Все родители засмеялись каким-то змеиным шипением.

«Они сожрут его, поджарив на костре». Я испугался и прошептал Диме: «Они сожрут его». Он схватил меня за шею и посмотрел мне в глаза невозмутимо: «Никто не говорил, что будет легко. Сидим молча. Я не хочу, чтобы эти уроды сожрали и меня». Его слова успокоили меня. Я смотрел молча. Но сердце кровью обливалось. Черт возьми, ему было не больше четырех месяцев, а эти твари хотят с ним сделать такое! А Дима тихо говорил: «Я не уверен в том, что это наше дело. Мы обычные, в их понимании. Лучше не лезть в их дела».

Но как такое возможно? Какие-то уроды зажарят живьем, а потом сожрут младенца! А я потом буду говорить, что просто смотрел и ничего не сделал?! Да какой я после этого че-

ловек? Но мне пятнадцать. А их семеро! Маньяки, каннибалы, психи еще те! Что я против них? Мозги просто вскипали.

Но когда она бросила ребенка в костер, что-то переключилось. Я вдруг оказался рядом с кустами. Смотрю на то, как я выбегаю из кустов, как пес, на четвереньках, окутанный серой дымкой, с оглушительной скоростью несусь к костру, выхватываю ребенка и оказываюсь стоящим на том месте, откуда за всем наблюдал. А эти твари медленно поворачиваются и смотрят на меня. Я оторопел. Я заорал на них: «Ему и полугода нет, за что?» Заговорила Ирина: «Жалкое подобие человека! Ты хоть соображаешь, кто он? Он не то, чем кажется. Такое не следует оставлять в этом мире».

«Я не позволю убить ребенка», – заявил я. Смотря на то, как он молча держит меня за палец, смотрит на меня, я не понимал, что могу им противопоставить.

Она ответила: «Отлично! Значит, мы сегодня будем есть». После этой фразы они сбросили с себя одежду, начали превращаться в жутких серых тварей, которые на глазах были не из этих мест, планеты Земля. Демоны, монстры из параллельных миров. Они были оттуда, точно. Но самое жуткое разочарование я пережил, когда посмотрел в сторону друга Димы. Из кустов вышла собака с лицом моего друга и зловеще подмигнула мне. Я понял, что мне кранты.

Последний раз посмотрев на малыша, я искренне извинился за то, что не располагаю достаточной силой, чтобы защитить его. Я извинился за свою слабость и попросил про-

щения за то, что он умрет такой смертью. Я дрожал от холода, дикого страха! Я начал проворачивать в голове, как меня разрывают. Помню, сказал: «Прости, сынок». А в ответ: «Не волнуйся, отец, я тебя услышал. Направь свое намерение к их смерти. Остальное сделаю я!»

Меня пронзило множество мыслей, но вопрос выскочил сам. «Кто ты?» – спросил я. Мне на плечо легла ладонь. На все мое плечо. Она была холодной, и от нее шел дым. Меня пронзили дикий холод и бесконечная тоска. Следом вынырнуло лицо. Это не был человек. Его лицо напоминало огромную маску с ярко-желтыми глазами. Но вблизи как бы сама эта маска менялась, становилась сотнями лиц, которые были его частью. Оно ответило: «Меня, отец, называют Легион! Потому что нас много». Этого ответа мне хватило. Я пожелал им смерти.

Пригнулся, загородив спиной ребенка, успокаивая его колыбельной, которую перекрикивали визги и вопли тварей, от вида которых я кое-как держался в сознании. Жуткие звуки. Я пытался перепеть колыбельной, которая даже не в рифму была, вопли тварей. А потом все прекратилось.

Я посмотрел. Это были куски разорванного мяса. Я тоже был весь в крови и кусках плоти. Не человеческой! Кровь была серой! В центре стояло существо около трех метров ростом, с длинными руками и пальцами. Издали его лицо действительно менялось, находясь как будто под маской постоянно меняющихся лиц и ярко-желтых глаз.

«Легион?» – жалобно спросил я.

Существо оказалось возле меня, склонилось надо мной. В голове я услышал его голос: «Да, отец!» – «Как такое возможно? Ты – демон?» – «Можешь называть это так. Ту форму жизни, которую я представляю, вы, люди, называете демонами. Но я – просто форма жизни. Как вы, люди. Да! Когда-то давно я был человеком. Создал потомство до того, как стал тем, чем стал. Я сохранил людскую линию, чтобы не пропало самосознание. Я сохранил людскую линию, чтобы остаться собой». – «Ты сам стал демоном, но зачем?» – «На это было много причин. Это случилось так давно. По вашим меркам – несколько миллионов веков. Те причины остаются актуальными и сейчас. Я – хранитель врат, где хранится проход к великой силе пустоши. Три темные сущности древнейшего мира: Тьма, Хаос и Бездна. Я охраняю врата от посягательств хищников, которые жаждут выпустить их. Даже среди демонов только древние осознают, что такую силу следует держать под контролем. Я отношусь к числу древнейших и никогда не встречал такого чистого сердца, как у тебя. Я странствую по просторам мира тьмы и видел многое, но такого!.. Я даже установил все родственные связи, когда ты воспользовался своим желанием убить тех тварей. Теперь мы родня. Ты – мой отец! Я – твой сын. Пойми: твое сердце будет представлять огромный интерес для таких древних существ, которые древними считались в мое время. Очень важно уберечь тебя от их влияния».

– Ты еще спроси почему! – раздался голос Димы, разорванного пополам, в собачьем облике, с ехидной улыбкой.

Мы посмотрели на землю и увидели его.

– Ты о чем? – спросил я, подходя ближе.

– Пожми руку на прощание. – Он смотрел на меня глазами щенка.

– Не делай этого, отец. Эта тварь убьет тебя.

Я отшатнулся. Внимательно смотрел, как это пыталось дотянуться до меня.

– А, – обреченно сказал Дима, – черт с ним!

Он смотрел на меня.

– Не смотри на меня так. Ты не в том положении, чтобы смотреть так.

– Что ты несешь?

– Ты просто человек. Но только у таких, как вы, бывает чистое сердце. Чем ты лучше?

– Тем, что он – не ты и не питается подставами и предательствами, – вставил демон.

Потом я пожелал, чтобы он умер. Демон пронзил ему сердце. Когда он испустил дух, демон посмотрел на меня и сказал:

– Милосердно, отец.

– После я ничего не помню, – закончил рассказ парень.

Борис Алексеев



Борис Алексеев родился в Москве в 1952 г. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ), рабо-

тал в НИИ им. И. В. Курчатова. Увлёкся рисованием. На волне нового увлечения, не отработав в «Курчатнике» положенных по распределению двух лет, бросил физику и ушёл в свободные художники.

В 1997 г. стал членом Московского союза художников (МСХ).

За труды по благоукрашению Русской православной церкви удостоен многих патриарших наград, в том числе ордена преподобного Сергия Радонежского (III степени) и ордена преподобного Андрея Рублёва.

Работая над Образом Бога, старался постичь смысл определения «Господь – Слово». Вскоре литература стала главным увлечением жизни.

В 2017 г. принят в Союз писателей России. Является лауреатом Премии Гиляровского и Серебряным лауреатом Международной литературной премии «Золотое перо Руси – 2016».

Он также дипломант литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест – 2018», дипломант Литературного конкурса Союза писателей России «Лучшая книга года» 2016–2018 гг., награждён медалью И. А. Бунина «За верность отечественной литературе» (Союз писателей России, декабрь 2019 г.).

Беглец Парамоша

Парамон грелся на солнышке и приговаривал:

Гой, ты, кровушка чужая,
Будь ты мачеха не злая,
Дай мне в силушку твою
Хлебец обмакнуть в бою...

«Что с матерью станется теперя?» – думал он, обхватив вихрастую голову иссечёнными в кровь ладонями.

Парамон был сыном раскулаченного и расстрелянного в 1934 году зажиточного кулака Осипа.

Покуда революционная тройка из трёх бездворовых оторв смаковала бате смертельную участь, он с матерью бежал в тайгу. Прибился к старателям, но вскоре повздорил со смотрящим артели. И вот из-за чего. Стал смотрящий к матери Парамона подбираться. Мужичок-то плюгавый, дунь – не сыщешь, но больно досадливый. Мать от него как могла сторонилась, ревела по ночам, только оттолкнуть прилюдно не смела – за сына боялась. А сморчок этот, особенно на людях, так и лез к ней. Мужики, им что, хохочут – забава вроде.

Не стерпел Парамон. Ночкой тёмной выследил обидчика, встал перед ним грудь в грудь и вилами забодал. А как поднял вилы над головой, силища-то молодая, злобная, как по-

лилась ему на голову кровушка человеческая, понял, что натворил, – и в бега. Хотел мать забрать, но помешали.

Месяц скитался по тайге. Эх, одними сырыми грибами, корой да ягодой сыт не будешь. С голоду сыпь по телу пошла. И вот уже к смерти приготовился Парамоша. Ан нет, выпал случай, завалил он медвежонка. Пока медведица в малиннике чухалась напился тёплой звериной крови – и бежать. По реке с версту топал, еле ноги унёс. Жалобный рык медвежьей матери до сих пор в ушах перепонки выгрызает...

Так сидел Парамон над речкой, хмелел без вина да приговаривал:

Гой, ты, кровушка чужая,
Буди мачеха не злая,
Дай мне в силушку твою
Хлебушек макнуть в бою...

Глядь: напротив, на другом берегу, две молодки из ельничка выбежали, скинули-то сарафаны – и в воду. Парамон прижался к тёплому камню, глядит-поглядывает. А те плещутся в потоках воды, хохочут. Решил Парамон к девкам поближе подсесть, полез через валуны, но оступился – и в воду, как есть, шлёпнулся. Девчата взвизгнули, схватили одёжку и бежать до хутора.

А Парамон давай ходить по мелководью да пританцовы-

вать!

Походил он так минут десять, поёрничал, вдруг видит – три мужика с обрезамн через ельник к реке пробираются. «Ё...» – выругался Парамон и опять в бега.

Решил бежать через ивняк речной балкой вниз. Всю голову посёк, но от погони ушёл. Без сил вывалился на пригорок, огляделся. Перед ним лежало огромное скошенное поле. Молодые стожки и увесистые стожары радовали хозяйский глаз Парамона, напоминали годы детства, полные справедливого распределения по труду.

«Эка лепота!» – шепнуло его сердце, истерзанное житейской непоняткой.

Поперёк поля шла железная дорога. Метрах в трёхстах от Парамона топорщилась из земли полуразрушенная бомбёжкой станция. На платформе стоял конвой в будённовках с красными лентами, а промеж конвоя полтора десятка зёков сидели на чемоданчиках и курили.

Парамон качнулся за дерево, он хотел было в лесок юркнуть. Вдруг в правом боку кольнуло, точно пуля конвойная ужалила. «Да нет же, не стрелял никто». Глаза белым морозом заволокло – не ступить.

«Господь единый, чё со мной?» – промычал Парамон, ладонями оттирая глаза.

Его шевеление заметили на платформе. Два конвоира прыгнули с плит и направились к Парамону.

– Ух, ты зверь али человек? – хохотнул один из них, разглядывая истерзанную фигуру Парамона с разводами крови на рванной в клочья одежде.

– Беглый я, – хрипло ответил Парамон, опуская руки.

– Оно и видно. И отколь в бегах? – вохровец⁴ передёрнул затвор винтовки.

– От себя, знать...

⁴ ВОХР – военизированная охрана, вооружённая боевым стрелковым оружием.

Гюля Ализаде



Гюльшен Арифовна Ализаде – независимый писатель, старающийся изложить в сюжетах своих книг противо-

стоящие различных психологических характеров. Родилась 2 мая 1979 г. в городе Баку. По профессии врач. Первая изданная книга – «Эпос о Гильгамеше». Исторический роман «Амазонки» издается при содействии Союза писателей Санкт-Петербурга. Здесь автор представляет роман в жанре фэнтези под названием «Ожившие камни Аргоса», в котором описывается нелегкий жизненный путь древнегреческого скульптора Леонидаса, отличающегося весьма своеобразным отношением к событиям, происходящим вокруг него. Несомненно, им движет любовь, которая создает красоту мира.

Сияние сферы

– Интересно, они думают все как один или же отличаются друг от друга мыслями? – удивленно спросил зависший в изменяющей свою форму красновато-розовой сфере дух.

– Думаю, все они одинаковы. Заметь, как стараются делать уверенные шаги по поверхности. Посмотреть вверх им даже в голову не приходит! – недовольно ответил ему дух, рассказывающийся внутри такой же красноватой, но отдающей серым сфере.

Они держались вместе, на случай если придется подлететь ближе. Так становилось спокойнее и не так страшно.

Тем временем люди в костюмах и скафандрах подносили открытые колбы к почве, которая отлетала мелкими кусочка-

ми в горловины. Пробы странного на ощупь, будто бы влажного песка были необходимы для исследований на планете, откуда астронавты прилетели. Люди были уверены, что Марс является никем не заселенной планетой. Они были уверены потому, что не видели никого, кроме самих себя...

– Энди, – обратился один из них к другому, – думаю, если песок действительно влажный, то где-то под ним обязательно должна быть вода!

– Ты прав как никогда, – согласился с ним Энди.

Четверо астронавтов все шли и шли, забирая бесчисленное количество образцов. Они выполняли свою работу, которая заключалась в том, чтобы рассмотреть все, что попадется на пути. Рассмотреть, а не предположить...

– Ты затмеваешь меня, перестань! – тревожно воскликнул дух в красновато-розовой сфере. – Зачем так нервничать, не понимаю?!

– Они злят меня все больше и больше! Ведут себя как хозяева нашей планеты! – огрызнулся дух, сфера которого приобрела уже стойкий серый цвет.

– Но мы тут одни, не забывай. Может, поделимся с ними? – робко спросил улыбчивый дух.

– Поделиться?! Своим домом?! Никогда! – заорал нервный дух. – Они уничтожат сначала нас, а потом нашу планету! Как ты не понимаешь? Живешь уже миллиарды лет, но так ничему и не научился! А все почему? А все потому, что память у тебя короткая! Вот и улыбаешься по этой причине

всему, что происходит!

– А ты слишком злопамятная, – обиделся улыбчивый дух, – вот, сереешь и сереешь! Скоро тень начнешь отбрасывать!

– Ну какой же ты глупый! Только люди могут отбрасывать тень, только они! А мы – нет! – огрызнулся нервный дух.

– Глупый?! Я?! Ты, наверное, забыла, что тень – это когда много тяжести внутри! Ты ею преисполнена! Ты перестаешь быть духом и вновь превращаешься в человека! – с тревогой воскликнул улыбчивый дух, сфера которого стала чуть светлей.

– Думай, прежде чем говорить! Думай! – вскричал полностью потерявший контроль над гневом нервный дух.

Улыбчивый дух начал уменьшаться и тяжелеть. Густая серая тень подавляла его сферу. Она придавила его вниз, ближе к блуждающим людям. Улыбчивый дух испугался. Он потерял связь со своей единственной подругой.

– Где ты, Думка?! Где?! – громко расплакался он.

– Я увеличиваюсь, Улыбка! Помоги! – донесся отовсюду гул.

– Вспомни что-то хорошее! Давай, ты сможешь! – начал метаться туда-сюда Улыбка. – Ты поглощаешь меня, Думка!

– Потерпи! Не исчезай! – проревел гул.

Улыбчивый дух теперь совершенно неулыбчиво завис в сфере ожидания. Она могла держаться совсем недолго и постепенно испарялась. Улыбка дрожал от нетерпения. «Отку-

да взялись эти люди?! Зачем они так любопытны и бесцеремонны?! Кто дает им право так себя вести?!» – только подумал он, как почувствовал прилив силы. Сила отличалась своей странностью. Она была неприятна Улыбке не только сферой грязно-желтого цвета, но и скрипом, перекрывающим нежный звон, которым пело его сердце. Он раскачал свою сферу так, что она задрожала и взлетела высоко-высоко. Улыбке не терпелось найти центр сосредоточения души Думки, чтобы помочь ей вернуться в прежнее состояние. Серый дым клубился внутри красного воздуха планеты Марс подобно пару. Мысленно набравшись смелости, Улыбка нырнул в паровые клубы. Пролетев внутри них, он наткнулся на почерневшую сферу. Он заметил Думку быстрее, чем ожидал.

– Думка, Думка, очнись! – стараясь придать голосу строгие нотки, приказал марсианин.

– Они погубят нас так же, как и себя! Эти «люди» не угомонятся, пока не захватят Марс! – словно в бреду проговорила Думка.

– Думка, дорогая, ты должна перестать огорчаться! В противном случае мы сами уничтожим нашу планету своим же внутренним гневом! Посмотри на воздух! Он начал терять свой прекрасный красный оттенок! Я задыхаюсь, Думка, задыхаюсь! – с отчаянием простонал Улыбка, понимая в глубине поющего сердца, что в чем-то Думка все-таки права.

Необходимо было угомонить Думку, но он не знал, как

это сделать. Тогда Улыбка пошел на крайнюю меру. Насильно остановив пение сердца, он отделил от него кусочек. Теперь его сердце пело не так громко. Кусочек же, пролетая туда-сюда в сфере, не понимая, что случилось, излучал ярко-красный горячий свет. Силой мысли Улыбка направил его в сферу Думки. Густой серый цвет сразу же разбавился и стал светлее.

– Улыбка, зачем?! Ты же можешь исчезнуть! – прикрикнула на него Думка. – Я бы справилась сама!

– Без тебя мне сфера не нужна! Я не хочу жить один на этой планете! – начиная успокаиваться, ласково ответил Улыбка. – «Люди» не смогут нам навредить, будь спокойна. Обещаю придумать что-нибудь.

– Не вздумай подлетать к ним ближе, чем следует! Они опасны! Их сферы не излучают вообще, Улыбка! – потеряв некоторую часть гнева, возразила немного подобревшая Думка.

– Хорошо, Думка, ты не думай обо всем этом. Отдохни. Закройся в себе и восстанови сферу, – ласково улыбнулся Улыбка.

Удостоверившись, что Думка перестала излучать серый свет и поднялась выше, Улыбка отлетел от нее на то расстояние, на котором Думка не могла бы слышать его мысли.

«Думай, думай! Не дрожи только так, а то Думка заметит!» – размышлял Улыбка, внимательно наблюдая за астронавтами, которые действительно уже увереннее ступали по

поверхности красной планеты. Оставалось одно – то, чего Улыбка боялся больше всего.

Тем временем астронавты, отделившись друг от друга, действовали уже в разных направлениях. Они были твердо убеждены, что на планете никого, кроме них, нет. Исследуя лишь поверхность Марса, земляне видели только друг друга.

Улыбка подлетел чуть ближе к незванным гостям. Вобрав в себя как можно больше красного воздуха, он решился. «Людей четверо. Нужно узнать, какого цвета сфера каждого из них, и начать действовать. Думка в последнее время слишком часто переживает. Близок тот час, когда я действительно потеряю ее!» – с огорчением подумал он.

Чем ниже садилась невидимая сфера Улыбки, тем больше он задыхался. Люди излучали странную темно-фиолетовую сферу. «Она когда-то была розовой, я уверен. Возможно, они копили гнев в течение всей жизни. Все, пора!» – решил он и остановил пение сердца. Оторвав от него четыре крупных куска, он выпустил их и силой мысли направил в сферу людей. Прислушавшись к оставшемуся в своей сфере крохотному кусочку уже безмолвного сердца, Улыбка упал на поверхность родной планеты.

– Энди, думаю, нам пора, – подойдя к другу, обратился к нему Ник, – мы достаточно поработали.

– Да, Ник. Ну и тоска здесь! Так мне вдруг захотелось, ступая по Земле, надышаться чистым воздухом и вобрать в себя тепло солнца! – ответил Энди. – Позовем остальных и

отчалим отсюда.

Энди был крайне удивлен. Ему впервые доводилось слышать от Ника подобные слова. Слова, которые ему так хотелось высказать всего лишь мигом раньше.

...Думка подлетела к Улыбке, когда тот неподвижно лежал на поверхности. Горечь и гнев обуяли Думку. Разозлившись, она начала выплескивать из себя клубы черного пара. Красная сфера Марса, раскалываясь на огромные куски, падала вниз, образуя в планете глубочайшие кратеры. Марс сотряслся от нескончаемой ярости своего вечного жителя. Разрушив большую часть планеты, Думка остановилась. Оглянувшись по сторонам, она поняла, что за хаос посеяла. Наклонившись к Улыбке, она подняла его и взлетела вверх.

– Я осветлю свою сферу, обещаю! – пропела Думка, оторвав кусочек от грустного сероватого сердца. – Оно не такое, как было у тебя, но, надеюсь, что поможет!

Оторванный кусочек грустного сердца порозовел прямо на глазах. Думка обрадовалась и силой мысли вдохнула его в сферу Улыбки. Трепетный, чуть слышный звон рождающегося сердца начал отзываться в увеличивающейся сфере Улыбки...

Елена Альмалибре



Елена Альмалибре (Елена Викторовна Натальченко) – поэтесса, прозаик, переводчица, магистр филологии.

Живет в Ростове-на-Дону. Кандидат в члены Союза писателей России, член Интернационального Союза писателей, участник ММКВЯ-2019.

Автор романов «Сближение. Пикап», «Французский роман». Публиковалась в газете «Литературная Россия».

Лауреат премии имени Владимира Набокова, победитель конкурса короткого рассказа «Сквозь пену дней» от радио «Гомель Плюс» (рассказ «Кукушка») и конкурса-фестиваля «Донские рифмы – 2017», лауреат конкурса «Степные востроухи – 2», литературно-педагогического конкурса «Добрая Лира – 2020» – рассказ «Гулёна», а также премии губернатора Ростовской области представителям творческой интеллигенции.

Говори, что думаешь

(Рассказ-диалог)

По телефону. 2035 год.

Она. Сегодня в три часа дня ты будешь на Солнечной, 10?

Он. Да. А ты?

Она. Да, я буду сегодня в три часа дня на Солнечной, 10.

Как узнать погоду? Брать ли зонт?..

Он (*шепотом*). Даже не думай звонить в метеобюро. На той неделе их накрыли. Телефон на прослушке.

Она. Черт! Тогда лучше не брать зонт. Лучше промок-

нуть, чем попасть под подозрение, что тебе слили, что будет дождь.

Он (*еще тише*). Нет. Нужно взять. По официальной статистике, в Санкт-Петербурге чаще дождь, чем ясно.

Она. Все зонты наверняка с датчиками. Да, лучше взять. Ты купил килограмм яблок сорта «Гольден»?

Он. Нет, я купил восемьсот пятьдесят граммов яблок сорта «Анис».

Она. Но в расширенном списке был «Гольден»! Это недостоверное документирование!

Он. Это ты виновата! Нужно было посмотреть, что «Гольдена» нет в продаже в магазинах нашего района.

Она (*почти с плачем*). Я смотрела – был.

Он. Значит, напишем объяснительную. Всегда делай скриншот.

Она. У меня автоматически все скриншотится.

Он. Тогда по этому пункту все хорошо.

Она. Ты меня любишь?

Он.?

Она. Ты меня любишь?

Он. Зачем ты подставляешь меня?

Она. Мне надоело. Ты меня любишь?

Он. Ты же знаешь, какие вопросы можно и нельзя задавать. Говори то, что можно подтвердить документально или измерить.

Она. Любовь можно измерить.

Он. Можно будет через год, когда разработают сыворотку правды. Если сейчас я скажу, но не смогу подтвердить, что люблю тебя, меня привлекут по статье 456-789-246 и отправят в изолятор на пять месяцев.

Она. Говори, что думаешь! Я хочу услышать о твоих чувствах, даже если это запрещено, даже если их нельзя подтвердить. Говори, что думаешь!

Он. Я не буду сегодня в три часа дня на Солнечной, 10.

Пусть всегда будет Чудик

(Рассказ)

– Я Чудик, Чудик! – кричал я, силясь дотянуться до двери комнаты в полуметре от коляски.

Мама застыла на месте. Ее глаза, казалось, изменили форму и цвет, вся она стала иной.

Меня заплела боль, навязчивая, волокнистая. Она скрыла все, что мне нравилось или отвращало, – все вдруг уравнилось. Нет, я не позволю этому стать моей реальностью! Я захлопнул дверь и закрыл глаза, делая вид, что я сам нарочно установил между собой и миром эту явную границу. Внешнее бытие прервалось, остановилось, исчезло.

– Я Чудик! – совсем охрипнув, прошептал я.

Каждое утро мама открывала окно в палате, впуская воздух и солнце, и каждый вечер закрывала его. Вот что такое стабильность, вот что дает ощущение того, что все в порядке, – предсказуемость любимого человека. И я был до предела счастлив. Я любил это состояние наполненности, будь оно даже иллюзией того, что это навсегда.

Мама была единственной из мира людей, с кем я был знаком, не считая врачей. Но разве можно было принимать их в расчет? Деловые, внимательные, равнодушные. Все их эмоции были относительными – когда спины врачей поворачивались, а следом на их лица натягивались улыбки, у мамы в то же время уголки губ словно веревочками тащило вниз. Когда я спрашивал ее об этом, она опускала глаза и говорила: «Они просто обычные люди...»

Так было два года. Я не знал не только других людей, но и всего мира за окном палаты. Я ничего не помнил, что было до больницы... И вот мы выбрались из лабиринта больничного двора. Накануне мне исполнилось пять.

– Милый, хочешь пирожок с яблоками?

Она отошла, оставив меня под развесистым деревом, которое стояло в пыльной асфальтовой кладке, а земля у ствола напоминала залитый свежей смолой гравий.

– Эй, Чудик! – вдруг услышал я и посмотрел в ту сторону,

откуда донесся звонкий голос.

Так я получил свой псевдоним. Нет, не кличку, а именно псевдоним. Клички дают для издевки. А та девочка, смеющаяся, с веснушками, была такой чудесной, такой милой, что не могла хотеть меня обидеть. Она была лишь подтверждением того, что говорила мама: я был другим. Первая же девочка поняла это с первого взгляда!

Я немного откатился от бордюра, чтобы коляска могла развернуться на сто восемьдесят градусов. Мне удавалось делать это так точно, словно я всем телом чувствовал эти крохотные деления пространства.

Смеющаяся девочка – я до сих пор согреваюсь той радостью, которую она мне внушила, – набросила на меня перекошенный веночек из одуванчиков. Он был так велик, что соскользнул мне на плечи. В нем были поникшие от плетен и я бутоны из которых во все стороны торчали лепестки, а раскрытые глаза – или, скорее, рты – только что сорванных головок на тонких стеблях дышали незнакомым ароматом: я никогда не рвал цветы. Они росли так низко у меня под ногами, стоявшими на маленькой ступеньке. Я обомлел, прислонился ухом к мягкому венку. Голова моя всегда была скошена набок, отчего все в мире являлось мне под наклоном. Впервые мое ухо осязало красоту и нежность.

Девочка убежала.

– Мама, я Чудик! Это правда! Смотри, какая красота! – шептал я и теребил лепестки, вдыхал щекочущую пыльцу,

щурился, словно цветочная желтизна была солнечным светом.

Мы приехали домой, где все для меня было совершенно незнакомым. Я все еще терся подбородком и ухом о венки.

Вдруг мама с подергивающимся лицом сказала, что чудиками называют больных людей. Нет, не тех сопливых и кашляющих людей, от которых летит во все стороны, а других, которые тихо живут в своем мире, отличающемся от мира «здоровых», где сопля и кашель не являются «неполноценностью». Я не сразу понял, что простуда проходит, а есть то, что на всю жизнь. Но я считал стабильность лучшим из качеств мира, мама же считала это проклятием. Она хотела, чтобы мир видел меня другим. А я слышал только то, что она хотела видеть меня другим. Я закричал. Закричал, словно родился заново.

* * *

Окно в комнате оказалось открытым. Виднелся кусочек майского неба. Я поежился: если мама не закроет окно на ночь, я простыну и стану тем «больным», от которого летит во все стороны.

Я шевельнул своим неторопливым языком (да, я сравнивал скорость его движения с чужими языками, которые виднелись во ртах во время разговора). Мне непременно нужно было произнести «мамочка». Как стыдно и гадко – от обиды

я едва не лишился способности называть маму этим словом. Я крутанул колеса по направлению к двери и распахнул ее.

– Сыночек... прости меня...

Мама плакала за дверью, не стесняясь жидкости в глазах.

Мне вдруг показалось, что ее слезы хлынули мне в душу, растворяя границы наших миров. Одно короткое слово, в котором было все: и смех, и слезы, – разбило мамину надежду на то, что я мог стать обычным.

– Ты больше не будешь меня любить? – бормотал я. – Я не такой, да?

– Такой, такой! Чудик ты мой, ты самый такой!..

Когда она сказала это, все стало иначе и все вернулось на место. Я улыбнулся и миру, и маме, которая была его частью. Она вдруг наклонила голову, прислушиваясь к моему шепоту. Меня наполнило до краев. Я почувствовал, что теперь и она видела мир под «моим» углом...

Паяльник

(Рассказ)

– Да на кой... мне ваш китайский паяльник?! Я всю жизнь советским весь дом выручаю! Забирай, не надо мне!

Редкие волосы на затылке Афанасия Карповича подрагивали, а сам он трясся от возмущения.

– Пап, ты же сам говорил, что он чудит. Вот я тебе и привез. Не понравится – так...

– Говорю тебе – забирай! – перебил электрик «в отставке». – «Чудит»... Это ты чудишь! Ну кабель пару раз резанул, так паяльник ни при чем, глаза... руки уже не те... Эх-эх...

Славик держал паяльник, не зная, как поступить. Перед глазами стояла картина, как пожилой отец, всем телом склонившись с лупой над очередной электронной «задачкой», сосредоточенно хмурился, не дыша касался жалом паяльника проводов, платы... Затем радостно хлопал в ладоши, гордо выпрямлялся, молодея на десятки лет, и кричал матери Славику в соседнюю комнату: «Ну что, сделает кто чаю мастеру?»

Славик вошел в свою бывшую комнатку, которая теперь служила отцу мастерской. Повсюду были аккуратно разложены спичечные коробки, подписанные отцовским почерком – один в один чертежный шрифт. Провода, кабели были смотаны по цветам и диаметру. Эта упорядоченность умиротворяла не только отца, но и всех домочадцев. «Порядок в доме – порядок в голове», – говорили Славику и отец, и мать.

Советский паяльник лежал на самом видном и почетном месте, сверкая жалом. Горделивый, пусть и с «поведенным» пластиком и кабелем, перелатанным синей изоляцией, он был похож на ветерана, чьи затянувшиеся раны вызывали только большее уважение, свидетельствуя о пройденных боях.

Отец, получивший от жены нагоняй: «Ребенок тебе при-

ятное хотел сделать, а ты как всегда...» – вошел вслед за Славиком.

– Там Петька паровозик опять обесточил, – негромко сказал Славик.

– А чего не принес?

– Забыл...

– Самое главное и забыл, – все еще ворчал Афанасий Карпович, но уже помягче.

– Да вот же...

– Ладно, оставляй этого «китайца». Петьку буду учить – пригодится.

Кира Бег



Кира Бег писатель, автор молодежных романов в жанре фантастики и фэнтези, в которых вы найдете приключе-

ния, юмор, тайны и немного любви.

На 2020 г. у автора закончено и опубликовано в Интернете девять романов, множество рассказов и стихов.

Кира Бег – творческий псевдоним Екатерины Павловны Суспицыной, под которым она пишет более десяти лет.

В 2019 г. она номинант конкурсов «Бумажный слон № 11», «Подросток N» в жанре фэнтези. Участник лонг-листов конкурсов от «Эксмо» и «АСТ».

Автор ряда статей на экономические темы.

С 2020 г. – кандидат в члены ИСП.

Светлое будущее

Дверь магазина закрылась за посетителем.

– Что он тут делал? – холодно поинтересовался Игорь, проводив его взглядом.

– Подарок принёс и пожелал удачи в личной жизни, – отозвалась я.

Игорь странно на меня посмотрел, чуть расслабился и предложил:

– Раз так, давай откроем.

Я не стала возражать, поставила подозрительно дёргающуюся, будто внутри что-то перекатывалось, коробку на пол прямо посреди зала и открыла крышку.

На меня уставилась пара несчастных, жалобных глаз. К глазам прилагались четыре лапы, хвост, всяческие ушки, розо-

вый ошейник с биркой на шее и ворох светлой шерсти. Пару минут мы с существом недоверчиво разглядывали друг друга, а потом оно замотало хвостом из стороны в сторону и потянулось мордой в мою сторону. Я на всякий случай отпрянула.

– Игорь... что это? – шёпотом спросила у третьего, не отводя взгляда от загадочного существа.

– Это собака, судя по ошейнику, девочка. Ещё совсем маленькая, детёныш, щенок.

– К-как собака? – заикаясь, подняла взгляд на третьего, который с улыбкой смотрел на пришельца в коробке и даже протянул в его сторону руку. – Что мне с ней делать?!

– Как что? Кормить, выгуливать, ухаживать и воспитывать. У тебя что, никогда домашних питомцев не было? – Игорь так удивился, что даже убрал руку от... собаки.

– Но она же живая, – с ужасом произнесла я, глядя на существо.

Оно, не дождавшись внимания, побегало по коробке, потом попыталось вылезти наружу, а когда не удалось, уселось, подогнув задние лапы, и вновь уставилось на меня. И было в этом взгляде столько тоски, что немедленно захотелось взять на ручки и пожалеть.

– Игорь, на Светлом Будущем запрещено держать дома живых существ, только роботов-тамагочи, – выдала я последний аргумент, понимая, что возвращать подарок мне совершенно не хочется, но и что с ним делать, я не представ-

ляла.

– Если получить разрешение, то можно, я читал. У этой малышки с документами всё в порядке, вон, полный комплект в коробке. Можешь погладить её, не бойся, она сама тебя боится, – хмыкнул Игорь и, поймав мою руку, потянул её к существу.

То недоверчиво убежало в угол, поджало ушки и опустило голову, с опаской на меня поглядывая. Я попыталась выдернуть руку, но Игорь на меня шикнул:

– Не дёргайся, животные боятся резких движений. Ну же, смелее, вот так.

Мои пальцы коснулись тёплого мягкого меха, существо на миг напряглось, потом, смешно поведя носом, обнюхало руку и, немного подумав, боднуло мою ладонь. Я непонимающе посмотрела на Игоря.

– Ты ей понравилась, и она просит погладить и почесать её.

Это оказалось здорово. Собака пугала меня своими действиями, которых я пока не понимала, но вроде бы вела себя дружелюбно.

– Игорь, посмотри, пожалуйста, нет ли ещё чего-нибудь в коробке, Стас сказал, тут должна быть инструкция, – попросила я, с упоением тиская существо.

– Разумно, – хмыкнул Игорь и принялся изучать упаковку подарка.

К моему удивлению, собака перевернулась на спину и

смешно задргала лапами, раскрыв зубастую пасть и высунув мокрый розовый язык. Я сперва испугалась, что она сломалась, но, робко дотронувшись, поняла, что это была всего лишь просьба почесать и с этой стороны.

– Действительно, здесь микрофлешка, расчёска, витамины и игрушка, – известил Игорь.

Я, отвлекшись от собаки, осмотрела прилагавшиеся к ней комплектующие и, бросив взгляд на лохматую мордочку с высунутым языком, вставила флешку в браслет.

Всё оказалось не так уж и плохо. Ошейник привязывался к браслету хозяина, что позволяло отслеживать местоположение собаки в пределах планеты, контролировать её здоровье и самочувствие; автоматически срабатывали напоминания о посещении собачьего врача, парикмахера и обучающих курсов.

– Игорь, а зачем собаке курсы? – поинтересовалась я, ревниво глядя, как третий играет с животным.

– Это не только для собаки, но и для хозяина, чтобы малышка тебя слушалась, – отозвался Игорь, и я расстроилась, что нельзя животное отправить одно на курсы, а придётся тратить время вместе с ним. – Посмотри лучше, чем её кормить, и подумай, как назовёшь, – Игорь помахал мячиком перед мордочкой существа, и оно, смешно присев на все лапы, издало громкий звук, от которого я вздрогнула.

– Тяф! Тяф! – подпрыгивая в коробке так, что та едва не переворачивалась, голосила собака.

– Ух ты, как гавкает, – восхитился третий.

– Игорь, как её отключить? – перепугалась я.

Если животное будет всегда таким громким, меня оштрафуют за нарушение общественного порядка! Вот у роботов-тамагочи есть кнопка регулировки звука, а то и вовсе их можно поставить на паузу или выключить.

– Вот сходишь на собачьи курсы – и там тебе всё расскажут, – неведомо чему рассмеялся третий. Я вздохнула.

– Тут сказано: диету выписывает на основании показателей ошейника собачий врач, то есть ветеринар, – поморщилась я, прочитав незнакомое слово. – А ещё можно купить комплексное питание и не готовить собаке отдельно. Как думаешь, это очень дорого? – Я вчиталась в длинный список запрещённых и нежелательных продуктов и пришла в ужас.

Ничего сладкого, перчёного, жирного... Как это всё запомнить и учесть при приготовлении собачьего обеда? Бедняжка, да ей нельзя ничего вкусного и интересного.

– Нужно просто узнать, там же есть контакты магазина товаров для домашних животных? – пожал плечами Игорь и, подхватив существо за живот, поднял его из коробки.

Отмахнувшись от виртокна, я поспешно забрала свой подарок, удивляясь, что тот такой лёгкий и пушистый, а всё же живой. Собака притихла и, взглянув на меня умными глазами, сильнее ко мне прижалась. Я растерянно застыла посреди магазина, не зная, что делать дальше, но мне определённо не хотелось, чтобы кто-либо трогал мою собаку.

– Можешь её отпустить, пусть побегает, разомнётся. Ты уже синхронизировала браслет с ошейником?

Дверь магазина тренькнула, оповестив о посетителе, и Игорь вышел навстречу клиенту. Я же с тоской поглядела на своё существо. Игорь прав: сперва нужно изучить, как им пользоваться, и синхронизировать наши программы. Я попыталась вернуть собаку обратно в коробку, но та почему-то стала брыкаться. Уже у самого края я не удержала животное, и оно, неловко взмахнув лапами, упало на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.